

Г.С. Иваненко

**ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ
ЭКСПЕРТИЗА ТЕКСТА
В ПРОЦЕССАХ ОБ ЭКСТРЕМИЗМЕ**

Учебное пособие

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
2020

УДК 81'33+347.948(075.8)

ББК 81-5:67.5я73

И17

Иваненко Г.С.

И17 Лингвистическая экспертиза текста в процессах об экстремизме [Электронный ресурс] : учеб. пособие / Г.С. Иваненко. — М. : ФЛИНТА, 2020. — 80 с.

ISBN 978-5-9765-4358-4

В книге представлено рассмотрение нескольких актуальных для теории и практики лингвистической экспертизы вопросов, которые возникали в связи с конкретными судебными разбирательствами, но в силу своего общетеоретического характера выходят за пределы частных случаев. Предложенные подходы к поднятым проблемам могут быть полезны всем участникам судебного процесса, а также журналистам и широкой общественности.

Для специалистов в области юридической лингвистики (преподавателей, лингвистов-экспертов).

УДК 81'33+347.948(075.8)

ББК 81-5:67.5я73

ISBN 978-5-9765-4358-4

© Иваненко Г.С., 2020

© Издательство «ФЛИНТА», 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление	4
<i>Раздел 1.</i> АНАЛИЗ ФОРМЫ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА АДРЕСАТА КАК АСПЕКТ СУДЕБНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОГО ТЕКСТА	12
<i>Раздел 2.</i> НАПРАВЛЕННОСТЬ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ: АСПЕКТ СУДЕБНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОГО ТЕКСТА	25
<i>Раздел 3.</i> ДИСКУРСИВНЫЕ ФАКТОРЫ ЭКСПЕРТНОГО АНАЛИЗА РЕЛИГИОЗНОГО ТЕКСТА	33
<i>Раздел 4.</i> СПЕЦИФИКА ЭКСПЕРТНОГО АНАЛИЗА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В АСПЕКТЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ЭКСТРЕМИЗМЕ	49
Заключение	70
Литература	72

ВСТУПЛЕНИЕ

Для кого эта книга? Может показаться, что присутствие в названии слов «лингвистическая экспертиза» означает ее нацеленность на аудиторию специалистов-филологов. Действительно, в первую очередь автор ведет беседу со своими коллегами — практикующими экспертами. Но в то же время поднимаемые проблемы уже касаются или могут коснуться широкого круга читателей, далеких от лингвистики. И чтобы шансы познакомиться с описанными реалиями высокой ценой испытаний своей собственной судьбы были сведены к минимуму, имеет смысл извлечь полезный опыт из того, который обобщен автором, хорошо знакомым с практикой функционирования антиэкстремистского законодательства.

Каковы же причины актуальности проблем, связанных с экстремизмом? Лежат они в сфере не столько правовой или лингвистической, сколько политической и социальной. Пожалуй, даже шире — философской. Да, ничего удивительного. Ведь что такое экстремизм, если определять его не сухими правовыми формулировками, которые содержатся в череде законодательных актов и рассматриваются глазами филолога в основной части материала, а понятным любому читателю языком? Если кратко, то это выражение опасной для государства идеологии. Экстремизм — это речевое, интеллектуальное преступление. Реальные действия, выходящие за пределы мира слов, рассматриваются в рамках других законодательных актов.

В наше время действительность виртуализируется. Речь — все более и более поступок, а поступок все чаще — речь. Мир текстов стремительно расширяется. Пишет и говорит огромное количество людей. Более того: то, что раньше оставалось на кухне, сегодня выносится на просторы мирового обсуждения. Люди, особенно молодые, защищенные, как им кажется, мониторами компьютеров от опасностей мира, посылают в пространство еще не выверенные их неокрепшим разумом сигналами

лы, которые могут быть получены совсем не теми, на кого были рассчитаны, и интерпретированы без учета разницы в культурных и языковых кодах, без определения социальной значимости сказанного и без снисхождения к неустановившейся психике автора. Так что технический прогресс как причина на порядок увеличившихся актов коммуникации отчасти является материальной основой и параллельного увеличения конфликта интерпретаций, среди которых определенная часть попадает под правовой угол рассмотрения.

Мир стремительно меняется, но в то же время в главном он остается прежним. Любое государство защищает себя: свою целостность, соблюдение закона, стабильность функционирования государственных институтов. Во всех государствах во все эпохи осуществлялись те или иные меры по защите общества от интеллектуального и/или эмоционального воздействия, которое, на взгляд определяющих политику государства на тот момент людей, могло тлетворно повлиять на настроения в обществе и нарушить его стабильность. А.С. Пушкин был сослан в Михайловское не за то, что выступал с оружием, а за то, что орудовал пером. В.И. Ленин также был ограничен в свободе за интеллектуальную деятельность, затем И.А. Ильин за свою социально не актуальную позицию вместе с коллегами на «философском пароходе» был выдворен из России, О.Э. Мандельштам оказался в лагерях за непреданную, не восторженную по отношению к власти поэзию. А Марк Туллий Цицерон за свою риторическую активность в пламенных филиппиках, не оцененную Марком Антонием, поплатился жизнью.

Дело не в эпохе и не в стране, и уж тем более не в наименовании явления (экстремизм, антигосударственная политика и проч.). Мнения могут быть разными, но автор настоящей книги признает защиту государством самого себя естественной и оправданной. И даже если когда-то антиэкстремистские меры использовались властью для защиты не государства, а самой себя, в целом в основной своей части они, пожалуй, все же направлены и на защиту интересов граждан. Призывы к наруше-

нию закона, к насильственной смене власти, к нарушению прав какой-либо группы лиц по причине их национальности или другого признака — все это, если действительно делалось осознанно и эффективно, никогда не приводило к улучшению состояния социальных институтов, напротив, порождало кровавое насилие, разруху, гибель людей.

Поэтому не сомневаемся: экстремизм — это зло, с которым нужно бороться. Но только если это действительно экстремизм. И если борьба с этим экстремизмом вызовет меньший раскол общества, чем его проявление. Выяснением этого вопроса занимается следствие и суд. Скромную, но значимую роль в этом процессе определения содержания и направленности экстремистского или, быть может, неэкстремистского речевого действия играет и мнение экспертов — лингвистов, психологов, религиоведов.

Автор настоящей книги — лингвист, знакомый с практикой лингвистической экспертизы в процессах по делам об экстремизме. В делах такого рода, да, пожалуй, в гуманитарной сфере вообще, уровень интерпретативности событий, которые в данном случае являются речевыми, очень высок. Неудивительно поэтому, что и экспертные оценки обсуждаемых текстов разнятся, вызывая дискуссии. И хорошо, когда эти дискуссии основаны на аргументации. Частью такой дискуссии является и предлагаемый читателю материал. Приводимые доводы по одним вопросам могут вызвать у читателя несогласие, но по другим, возможно, будут выглядеть убедительными.

К этому общедисциплинарному фактору конфликта интерпретаций добавьте еще один: антиэкстремистское законодательство очень молодо. Антиэкстремистские меры стары, как человечество, но они осуществлялись преимущественно по воле того или иного правящего круга и определялись интуитивным пониманием текущего момента лицами, от которых зависело решение. Сегодня, при выходе этих процессов из сферы штучного продукта в массовый (впрочем, такие периоды в истории уже бывали), решение об экстремистском или неэкстремист-

ском характере текста определяется не индивидуальной волей, а законом. Но пара десятков лет — очень малый срок для становления такого сложного регулирующего инструмента. И законодательство продолжает меняться на глазах. Введенный недавно закон об оскорблении чувств верующих, например, внес в общество не меньший раскол, чем тексты, рассматриваемые по этой статье.

Законодательство, есть надежда, будет совершенствоваться, и его обсуждением будут еще заниматься юристы, на эту тему пишут и будут писать журналисты и правозащитники. А задача экспертов иная. Каким бы ни было законодательство об экстремизме, наша цель — вскрыть сущность текста, не исказив компонентов смысла и не приписав того, что в них не содержалось, притом ни по форме, ни по содержанию. Именно разработке вопросов, ведущих к этой цели, и посвящена книга.

Предупреждая возможные упреки в политизации науки, поясним: никакие идеологические установки не определяли положений, предлагаемых в работе. Автору приходилось выступать в судебных процессах и по запросу суда и следствия, и по запросу адвоката и обвиняемого, что позволило посмотреть на процессы об экстремизме с разных сторон. Единственное стремление, обусловившее появление этого материала, — желание внести вклад в объективацию судопроизводства по делам исследуемого типа.

Представленные в книге тексты взяты для рассмотрения потому, что они реальны и помогают понять, насколько разнятся материалы, привлекаемые по статьям об экстремизме. Многие из них глубоко отвратительны автору и видятся тем самым социальным злом, от которого и должен защищать общество закон. Читать их будет неприятно, как не всегда врачу симпатичен вид больного органа или энтомологу насекомое; но они приводятся для объективного научного рассмотрения, проверки действия выдвигаемых положений и критериев квалификации признаков экстремизма. В сравнении с таким материалом другой, напротив, представляется невинным, а искусственные попытки

навязать ему демоническую роль — неумелыми и, главное, еще более вредными, чем даже сомнительные тексты.

Для описания всех актуальных проблем лингвоэкспертологии при анализе экстремистских / неэкстремистских текстов понадобились бы тома. Да они, в общем, и появляются, если сложить все наши более развернутые и краткие научные реплики по волнующим вопросам. На каждой конференции лингвистов-экспертов секция, посвященная экстремизму, пожалуй, самая оживленная. Пользуясь случаем, выражаю благодарность организаторам Международной научной конференции «Современная теоретическая лингвистика и проблемы судебной экспертизы», прошедшей в октябре 2019 г. в Институте русского языка им. А.С. Пушкина. Творческая атмосфера сложившейся живой дискуссии вселяет надежду на наше коллективное равнодушное и профессиональное желание разобраться в сложных вопросах экспертизы по делам об экстремизме, что отчасти способствовало появлению настоящей работы — реплики в нашем продуктивном полилоге.

Было бы упущением не отметить одну важную мысль, лейтмотивом проходившую сквозь всю работу названной конференции: на настоящий момент, а может быть, и вообще, невозможно всему лингвоэкспертному сообществу безропотно положиться только на методические рекомендации, создаваемые в безусловно авторитетных государственных организациях. Как бы они ни были хороши, но опыт нескольких лингвистов в двух-трех пособиях не может охватить всего разнообразия проблемных вопросов. И как смерть института адвокатуры была бы практически тождественна смерти правосудия, так полное доминирование государственной экспертизы и устранение негосударственной привело бы к исчезновению состязательности процесса, которая и так достаточно ослаблена. Безусловно, уровень профессионализма и ответственности не зависит от места работы, и все же государственные эксперты имеют определенный приоритет в глазах суда, «охранную грамоту» в виде своего статуса. Приведем пример. Высказывание *«Можно сказать, что сегодня*

почти каждый человек испытывает какой-либо страх. Люди хотят чувствовать защиту, хотят быть защищенными, но, увы, в этом мире человек не может дать защиту другому человеку», согласно выводам государственного эксперта, содержит негативную оценку группы лиц на основании отношения к религии: «...Объектом негативной оценки является группа лиц, объединенная по признаку отношения к религии, названная как “этот мир”, “этот безбожный мир”» (читайте об этой ситуации в разделе третьем). Комментарии излишни. И такая экспертиза ложится в основу обвинения. Поэтому нужно, чтобы научное сообщество высказывалось, чтобы велись поиски истины, как бы ни смущала нас патетика этих слов. Важно, чтобы продолжалась и поддерживалась деятельность таких издательств, как «Флинта», собирающих и предлагающих читателю интеллектуальный продукт как отражение естественной для науки полифонии, без которой мир идей станет плоским, как Земля до Галилея. Мы не сможем развиваться, если не будем предлагать научному сообществу идеи для решения актуальных вопросов. Нужно высказываться, делясь опытом и полученными в результате исследований выводами. Такие высказывания по ряду поводов мы и предлагаем вниманию читателей.

В книге выделено четыре раздела, каждый из которых обращен к актуальным вопросам лингвоэкспертологии в сфере дел по экстремизму. Первый и второй разделы посвящены теоретическим вопросам: анализу формы речевого воздействия (призыв, возбуждение, унижение, побуждение, пропаганда) и анализу направленности речевого воздействия (ненависть, вражда, рознь). Третий и четвертый разделы обращены к рассмотрению самых, на наш взгляд, проблемных для анализа в аспекте антиэкстремистского законодательства текстов — религиозных и художественных. Религиозный дискурс представляет собой самостоятельную знаковую систему, живущую по особым законам кодировки и декодировки информации. Он выражает определенную концептуальную систему, игнорировать которую при анализе отдельно взятого текста нельзя. Иначе мы не послужим

объективации судопроизводства. Художественный текст также должен быть рассмотрен с позиций законов внутреннего развития и с учетом непрямой трансляции смыслов.

Научный анализ религиозного и художественного дискурса представлен в основной части книги, а сейчас, в начале нашего разговора, скажем о своих впечатлениях от работы с экстремистскими текстами, такими разными и по выражаемой идеологии, и по характеру и силе влияния на социум.

Ситуация первая. Молодые интеллектуалы, демонстрирующие свою начитанность отсылками к литературе различных эпох, описывают, как убивают человека неславянской внешности и оскверняют вечный огонь, сопровождая все это философскими посылами в духе Макиавелли и приглашая к подражанию. Идеология: пренебрежение нравственными и правовыми запретами. И газета со статьями в этой стилистике выходила неоднократно.

Ситуация вторая. Молодой женщине, недавно ставшей матерью, инкриминируют репост: «Бери топор, встречай гостей с гор», — который она сделала три года назад. Других преступлений за ней не числилось, но дело было возбуждено и передано в суд.

Ситуация третья. Некий, судя по текстам, ортодоксальный материалист в своих листовках оскорбляет представителей разных национальностей, признавая их источником бед других жителей региона, призывает убивать то одну, то другую группу лиц. Мера выражаемой агрессии такова, что в этом случае, скорее всего, нужно привлекать к процессу даже не психолога, а психиатра.

Ситуация четвертая. Качественно сделанный видеосюжет о развитии мусульманства, сохраняющего истинные нравственные ценности, в то время как Европа и Запад их теряют. И все бы ничего, но во вполне цивилизованном, просветительском, даже с элементами научности сюжете пропагандируется и прогнозируется в ближайшее десятилетие установление шариата на значительной части территорий РФ, например, на территории Челябинской области.

Ситуация пятая. Священник на проповеди призывает разобраться в себе, понять, каким богам кто служит: богатству, славе, благополучию, комфорту? Идеология: вспомнить о духовных ценностях. Инкриминируют выражение превосходства одной религии над другой из-за призыва служить истинному Богу.

Каждая ситуация неповторима, и в каждой нужно разбираться. Для нас очевидно, что конфликтный потенциал текстов в описанных ситуациях не тождествен. С одной стороны, очень бы хотелось верить, что ни у кого нет злой воли придать значимость борьбе с речевыми преступлениями, искусственно увеличивая объем «враждебных» государству материалов, чтобы героически стоять на его страже. С другой стороны, безусловно, какая-то цензура все же должна ограждать нас от психических и нравственных аномалий и откровенно деструктивной идеологии.

РАЗДЕЛ 1

АНАЛИЗ ФОРМЫ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА АДРЕСАТА КАК АСПЕКТ СУДЕБНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОГО ТЕКСТА

В разделе рассматриваются формы речевого воздействия на адресата в свете исследования экстремистского текста. Представлена типология форм речевого воздействия, отражающая запретительные нормы антиэкстремистского законодательства. На конкретном речевом материале, ставшем предметом судебного разбирательства, показана реализация различных типов речевого воздействия, с соответствующими им семантическими формулами и средствами реализации.

Информационное пространство на настоящий момент является мощной силой формирования общественного сознания, поэтому оно неизбежно становится объектом правового контроля. Наиболее значимыми по своим последствиям для всего общества являются речевые преступления, предусмотренные законодательством об экстремистской деятельности.

Экстремизм как социальное явление в его идеологическом проявлении предполагает деятельность по дестабилизации общества гражданского согласия, способную привести к смене политического строя и правительства незаконным путем, к ущемлению прав граждан по какому-либо признаку (расовому, национальному, религиозному, социальному, половому), противостоянию больших групп людей, их столкновению и в конечном итоге кровопролитию. Законодательство всех стран мира, в том числе и России, нацелено на предотвращение общественных беспорядков. Одно из направлений этой превентивной деятельности связано с блокировкой информационных

источников, популяризирующих идеи ненависти, вражды, насилия, формирующих агрессивное, взрывоопасное состояние социума.

В то же время концепция демократического государства предполагает свободу слова, включающую право выражать несогласие и недовольство деятельностью правительства, конкретных его представителей, общественных объединений, партий, сообществ, право выражать отношение к различным идеологиям, в том числе религиозным. Эти права также закреплены конституцией и законодательством.

Столкновение идеологической свободы и идеологических ограничений неизбежно порождает конфликт интерпретации конкретного речевого произведения как содержащего или не содержащего признаки экстремистского материала.

Вопросы о концептуальных основах лингвистических исследований по делам такого типа являются на настоящий момент в лингвоэкспертологии полем горячих дискуссий. Так, одни авторы выявляют семиотические признаки текста экстремистского характера [4; 18], другие считают сам поиск лингвистических критериев юридического понятия выходом за пределы профессиональной компетенции [10; 12]. Предложения методики выявления коммуникативного намерения [47] противостоят представлению о несоответствии лингвистического содержания текстовых категорий психологической природе мотивов и целеполаганий [10; 12]. Подобные дискуссии обусловлены, с одной стороны, стремлением лингвоэкспертного сообщества выявить методологические и методические основы судебных лингвистических исследований по делам об экстремизме, с другой стороны, осознанием необходимости ограничения пределов филологической компетенции.

Предметом рассмотрения в настоящем разделе является один из аспектов судебного экспертного анализа текста, рассматриваемого на предмет выражения экстремистской идеологии, — выявление типа речевого воздействия на реципиента в свете реализации стратегии дискредитации.

С точки зрения характера речевого воздействия приведенный в антиэкстремистском законодательстве [37; 38; 47] перечень речевых преступлений, так или иначе связанных со стратегией дискредитации, организуется в следующие основные группы:

- 1) унижение достоинства человека по признаку отнесенности к расе, национальности, религии, социальной группе;
- 2) пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности;
- 3) возбуждение ненависти, вражды к человеку или группе лиц по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- 4) публичные призывы к нарушению прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; призывы ко всем перечисленным в законе об экстремизме действиям.

Одним из объектов лингвоэкспертологии стало выявление объема и содержания данных понятий, которым в свете теории речевых актов можно присвоить статус речевых актов [6, с. 412—469].

Наибольшее внимание исследователей привлек речевой акт призыва. Вопрос о средствах выражения призыва как речевого акта и как категории, использованной в формулировке закона, обсуждается в современной лингвистике [1; 6; 10; 12; 36]. В монографии А.Н. Баранова [6] описаны возможные грамматические формы призыва. Ими признаются: 2-е л. ед.ч. или мн.ч. повелительного наклонения (Убирайтесь из России!), использование глагола «быть» в форме 1-го л. мн.ч. (Будьте верны чистоте крови предков!), грамматическая форма 2-го л. ед.ч. глагола «давать» (Даешь халифат!), использование перформативных

глаголов, например, глагола «призываю» (Призываю всех мусульман...; Призываю бить их, выгонять из России!), форма «долой»! (Долой всех черномазых с нашей земли!), частицы пусть и пускай, да (Пусть все чурки сдохнут от рук наших ребят!, Да сгинет гнет гастарбайтеров!), инфинитивные предложения (Не вступать в переговоры с русскими!), использование модальных слов с семантикой долженствования (Нужно закрыть Эстонию для русских!), некоторые другие грамматические средства [Там же, с. 433—439].

Разнообразие форм воздействия на реципиента сделало неизбежным выделение явных и скрытых (эксплицитных и имплицитных, прямых и косвенных) призывов, создание типологии призывов: призыв-лозунг, призыв-апелляция, призыв-обращение, призыв-воззвание [Там же, с. 422—433]. Проведенные детальные исследования снабдили экспертную практику убедительным арсеналом типологий средств реализации призывов, однако доминирование номинации «призыв» по отношению к разнообразным речевым актам воздействия привело к искусственному, на наш взгляд, подведению под эту категорию высказываний иной семантики. Квалификация же речевого акта может оказать влияние на правовую квалификацию речевого деяния. Поэтому считаем необходимым выстроить триаду воздействующих речевых актов: призыв — побуждение — пропаганда.

Призыв — это отнесенное к адресату обращение, содержащее актуализированное побуждение к какому-либо действию. Призыв — самый конкретный из типов воздействия, самый прямолинейный, но неизвестно, самый ли действенный. Это предстоит выяснить средствами психологических исследований соответствующим специалистам. Предположительно различные формы императивного воздействия в экстремистских текстах ориентированы на реципиентов с различным культурным и образовательным уровнем и, соответственно, неидентичной способностью декодировать прагматическую направленность текста.

А.Н. Баранов применяет к речевому акту призыва семантическую формулу, предложенную А. Вежбицкой для семантиче-

ской экспликации императивов: «Я хочу, чтобы ты сделал Р» [Там же, с. 412].

«Сейчас по тем городам и местам, откуда приезжают они, пойдет возврат: будет много смертей, эпидемий, начнутся катаклизмы, все будет рушиться. Если хотите избежать этого надвигающегося ужаса на ваши города и поселения из-за этих видящих и экстрасенсов, найдите их и уничтожьте. Пока они живы, вам не будет покоя ни днем, ни ночью!!!» [35]. В приведенном тексте содержится прямой (явный, эксплицитный) призыв, выраженный глаголом в повелительном наклонении, к уничтожению людей по признаку их отношения к деятельности.

Пропаганда — понятие более широкое, чем призыв и побуждение. Пропаганда — распространение каких-либо идей, учений, взглядов, знаний; идейное воздействие на широкие массы. То есть любое теоретическое или эмоциональное обоснование какой-либо позиции является пропагандой.

Семантическая формула пропаганды: *«Я рассказываю тебе об Р, чтобы ты понял Р и признал Р правильным и истинным»*. Так, например, в приведенных далее фрагментах материалов, признанных экстремистскими, не содержится призыва, но содержится пропаганда — гораздо более глубокая форма воздействия на сознание.

«Как известно, каждый настоящий Партиец, со стопроцентной необходимостью, должен быть Подонком. Быть Подонком трудно, но почетно. Подонок — это человек, который не имеет ничего общего с нынешним обществом, его убогими ценностями и вонючей моралью» [34].

«Оставим всяческие оправдания тем, кому они нужны... Мы должны мыслить внеморальными категориями... Ставлю себя по ту сторону добра и зла... Подонок является носителем высших ценностей арийского человечества» [34].

Насилие эстетизируется и романтизируется. Персонажи, совершающие преступления, называются в тексте газет «героями», «романтиками», «интеллектуалами», «революционерами». Убийство, разрушение, вандализм в текстах позиционируются

как форма социального протеста. Статья, описывающая жестокую сцену убийства человека, совершенного с садистской жестокостью, предваряется философским рассуждением:

«Данный текст представляет собой произведение стихийного интеллигента. Полубессознательное сопротивление всегда является наиболее жестоким, а злоба развивает умственно, вот почему такие люди становятся революционерами. Формы выражения протестных настроений бывают разные. Многие из них совсем непрактичны в смысле политики. Именно в силу своей непрактичности они, так сказать, “от кутюр”. Однако такие явления очень ценны в культурном плане, поскольку искусство — это то, что побуждает к действию» [34].

И действительно, такой материал выполняет запрограммированную функцию и побуждает к действию: позитивно оценивает насилие над личностью и делает его знаменем «интеллектуала» и борца за некие «идеалы». Культивируется насилие как социальная и философская жизненная позиция: *«Насилие привлекает к делу национальной революции людей, очень далеких от каких бы то ни было идей вообще... В наше время расплодилось множество говнюков, обожающих порассуждать на тему добра и зла. Зло как таковое — бессмысленное, не мотивированное, абсолютное; и его привлекательность, которая не зависит от знания его природы» [34].*

Пропаганда как тип воздействия на реципиента ориентирована на рассудочный уровень восприятия. В приведенном примере не звучат прямые призывы, но читателю предлагаются аргументы в пользу пренебрежения всеми нравственно-этическими барьерами: злоба и жестокость позиционируются как признаки интеллектуальной элитарности, а насилие — как естественное проявление оппозиционных настроений.

Пропаганда, в отличие от призыва, не связана жестко с конкретными лексическими и грамматическими показателями, поэтому выявление этого типа речевого воздействия основано на семантико-стилистическом анализе, выявлении культивируемых идей и выражаемых коннотаций.

Побуждение — описание ситуации, из которой логично следует обоснованность и необходимость совершения неких действий. В отличие от пропаганды, побуждение не выходит на идеологический уровень. В отличие от призыва, побуждение не содержит непосредственного признания действия как должного или необходимого.

Побуждение может быть описано следующей семантической формулой: «Рассказываю тебе об X, чтобы ты понял, что тебе нужно сделать P».

«Жават живет на своей земле, и землей не торговал. Это вы, русские, продавали этому вонючему еврею земли коренных народов, продавали, потому что не свое, чужое. К вашему сведению, место, где стоят храмы (православные, католические, мусульманские и т.д.), присваивает тот, кто создал эту религию, то есть евреи. Вы хоть задумывались, что, пуская на свою территорию всякие религии, вы впускали евреев в свои города, свои поселения. Чем больше построят храмы любых “мастей”, тем больше размножаются евреи» [35].

В приведенном тексте отсутствует призыв к действиям против какой-либо группы лиц, но содержательными и стилистическими средствами читатель подводится к мысли о неприятии людей еврейской национальности. Пренебрежительное, брезгливое отношение передано грубо-просторечным словом «вонючий», выражающим крайне негативное отношение и пренебрежение. Также весь контекст построен на пресуппозиции о некой заведомой ущербности этого народа. Поэтому авторские восклицания звучат как открытие: «вы хоть задумывались...», «к вашему сведению...». Предполагается, что «впускать евреев в свои города, села» — действие, которое можно совершить только неосознанно. Словосочетание «размножаются евреи» также нацеливает на формирование негативного отношения: слово «размножаться» имеет в данном контексте иронично-пренебрежительное и презрительное стилистическое значение. Помимо негативной коннотации, в формировании негативного

отношения к лицам конкретной национальности задействован и содержательный компонент: эта нация представлена как захватчик чужой земли и создатель порабощающих религий. Вопросительными конструкциями, актуализирующими внимание читателя, бранными характеристиками и сообщениями, работающими на создание образа врага, формируется побуждение к действиям против лиц, объединенных признаком национальности. Приведенный комплекс признаков характерен для реализации побуждения как формы речевого воздействия.

Возбуждение (ненависти, вражды, розни) — форма речевого воздействия, трактовка номинации которой в контексте «возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию» стала предметом дискуссий в юрислингвистической практике. Сложность заключается в том, что отглагольное существительное «возбуждение» индифферентно к форме вида производящего глагола, в то время как в судебном процессе возникает вопрос: каким видом глагола — совершенным или несовершенным — можно охарактеризовать действия подсудимых? Лицо, которому инкриминируют экстремизм, возбуждало ненависть и вражду (как процесс) или же возбудило эту ненависть и вражду (как результат)? Этот вопрос стал ключевым в судебном разбирательстве по делу распространения экстремистских материалов членами НБП в Челябинске. В публикациях выражалась мысль о необходимости насилия как единственной действенной формы социального протеста, оно представлялось как политически мотивированное поведение членов партии, участвующих в избиениях, актах насилия и вандализма. Распространенные материалы изобиловали натуралистичными сценами, подробно и наглядно все это изображавшими. Несколько опрошенных свидетелей заявили, что рассматриваемые публицистические материалы вызвали у них как читателей чувство брезгливости и, как следствие, протеста по отношению к представленной позиции и, напротив, не вы-

звали никаких националистических чувств и не спровоцировали на противоправные действия.

Представляется, что не стоит путать категории совершенно различных понятийных уровней: категорию смысла как комплекса выражаемых идей, их развертывания и прагматической ориентации читателя (внутритекстовая категория, репрезентирующая намерение автора) и категорию восприятия, реакции реципиента (категория социально-психологическая, обусловленная многочисленными факторами: возрастом, полом, социальным статусом, жизненным опытом, политическими взглядами, психологическим складом реципиента). Какие-либо идеи и призывы могут находить или не находить поддержку в обществе в целом, в какой-то его части. В судебном порядке трудно или практически невозможно адекватно ответить на вопрос: как именно повлиял тот или иной материал на сознание читателя, слушателя, зрителя. Нельзя исключать скрытого, подознательного воздействия, как и отсроченного. Поэтому более логичным представляется понимание «возбуждения ненависти и вражды» как целенаправленного процесса, независимо от результата.

В то же время для утверждения о направленности текста на возбуждение ненависти, вражды, розни необходимо отличать текст агрессивного характера от текста негативного содержания. Важную роль в рассматриваемой формулировке играет слово «возбуждает». Анализ значения слова показал непротиворечивую картину семантического описания, согласно которой у слова выделяются следующие значения, имеющие отношение к рассматриваемому вопросу:

«Возбуждать 1. что. Порождать, пробуждать, вызывать; усиливать. Возбуждать зависть, удивление, жалость. Возбуждать деятельность. Возбуждать аппетит. Возбуждать надежды на что-нибудь. 2. кого—что против кого—чего. Вызывать в ком-нибудь злобу, раздражение против кого—чего-нибудь, восстанавливать кого-нибудь против кого—чего-нибудь. Кулаки возбуждают кре-

стьян против советской власти. 3. кого—что. Приводить в состояние нервного подъема, усиленной нервной деятельности. Возбуждать нервы. Возбуждать себя наркотиком» [37].

Анализ не противоречащих друг другу словарных значений показал, что их объединяет общая базовая сема «приводить в более активное состояние», и этот компонент семантики не содержится в значении слова «выражать». Возбуждение ненависти и вражды, розни между группами людей предполагает активное воздействие на аудиторию с открытым или подтекстовым побуждением к выражению враждебности по отношению к кому-либо. Текст должен не просто выражать негативное отношение пишущего (в таком случае он социально незначим), а именно возбуждать негативные эмоции, находящие себе выход, реализацию (в таком случае он приобретает социальную значимость).

Семантическая формула возбуждения: «Говорю тебе X, чтобы ты почувствовал пробуждение / усиление чувства / состояния Р».

Так, в приведенном далее тексте выстраивается нетривиальная оппозиция азербайджанцы — башкиры: *«За те поступки, которые здесь, в Челябинске, творили азербайджанцы, будет отвечать весь азербайджанский народ! А они натворили “дел” очень много, десятилетиями им не исправить. Живя на земле Жавата, плевали на его народ — башкир. Разве вам понравится, если башкир, живя на азербайджанской земле, будет поступать так, как поступают азербайджанцы здесь?»* [35].

Поступки, которые творили азербайджанцы, — содержание этого обвинения не раскрывается, но контекст и стилистическая окраска слова «творили» позволяет читателю понять, что азербайджанцы совершали в Челябинске некие крайне негативные поступки. Плевать на кого-либо — стилистически сниженная метафора со значением «пренебрегать, выражать равнодушие к интересам, переступать через чьи-либо потреб-

ности ради удовлетворения собственных». Азербайджанцы поставлены в тексте в оппозицию челябинцам, представлены недружественным сообществом, приносящим вред и проблемы. Возможно, до прочтения настоящего текста читатель не видел выделенного в нем противопоставления интересов, но констативные утверждения в сочетании с экспрессивными негативно-оценочными средствами ориентированы на возбуждение как минимум недоверия к обозначенному в тексте источнику агрессии.

Унижение (достоинства человека по признаку отнесенности к расе, национальности, религии, социальной группе) как форма речевого воздействия проявляется в оскорбительных оценках и характеристиках, несовместимых с представлениями о ценности личности как индивидуума и как представителя некой общности людей, объединенной по какому-либо признаку (пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а также принадлежности к какой-либо социальной группе). Оскорбительность предполагает выраженную в неприличной форме отрицательную оценку личности. Такая оценка умаляет достоинство человека в глазах окружающих, преследует цель показать его неполноценность, ущербность. Унижение обычно сопровождается моральными страданиями лица, которому указали на его ничтожность, несостоятельность, которые в контексте закона об экстремизме обусловлены не личными качествами, а принадлежностью к группе, объединенной по какому-либо признаку.

Семантическая формула унижения: «Говорю тебе X, чтобы ты осознал свою ничтожность; говорю вам X, чтобы вы осознали его ничтожность».

В аспекте формы унижение достоинства человека или группы лиц по какому-либо признаку осуществляется стилистически сниженными языковыми средствами. Это нелитературные номинации человека, как правило, по национальной принадлежности

(этнические инвективы, экспрессивные этнонимы, этнофолизмы): *хачик, жид, чурка, черномазый*.

Однако исследование вырванной из контекста и дискурса языковой единицы не приведет к адекватному осмыслению ее реальной роли в коммуникативном акте. Так, будет различаться употребление, например, номинаций *москаль* и *хохол* в частной беседе и в политическом публичном выступлении.

Унижение достоинства группы людей осуществляется не только оскорбительными характеристиками их самих, но и значимых для их социума образов. Так, все религии воплощены в идеологиях, включающих систему нормативных постулатов поведения — догматов и систему культовых образов, существование которых не подвергается сомнению. Поклонение этим образам, обращение к ним составляют неотъемлемую часть верований, и, соответственно, с ними верующий человек отождествляет и свою собственную идентификацию как личности.

В приведенном далее тексте автор насмехается над библейским общехристианским образом Девы Марии: *«...а Дева Мария родила Иисуса. Спрашивается, от кого же она родила? Говорят, что от Бога. От какого же Бога? Богов много и многие из Богов животного происхождения. Кто отец Иисуса? Если Дева Мария не признается, кто отец Иисуса, значит, Деву Марию поимели все Боги, и поэтому она не помнит, кто из этих животных отец Иисуса. Так что, делаем выводы: Дева Мария — Библейская шлюха!!! Да и вообще, я сам из деревни, и понимаю все буквально. Вопрос гинекологам. Как могла Дева Мария забеременеть, если она была девственницей?»* [35].

Настоящий издевательский памфлет, распространенный с расчетом на прочтение представителями христианской конфессии, не просто подвергает сомнению основы христианского верования, но и грубо высмеивает их. Оскорбительная сущность

всего текста с очевидностью представлена в выделенной фразе, которой выражается пренебрежение к одному из центральных образов христианства. Номинация *иллюха*, отнесенная к Деве Марии, приписывает ей поведение, противоречащее самой сущности выражаемых ее образом идеалов, что, безусловно, не может не оскорблять чувства верующих.

Таким образом, исследование материалов, рассматриваемых в суде на предмет выражения экстремистской идеологии, показало необходимость соотнести семантико-стилистическую структуру текста с типологизированными формами речевого воздействия, отражающими запретительные нормы антиэкстремистского законодательства (призыв, побуждение, пропаганда, возбуждение, унижение), характеризуемыми соответствующей семантической формулой и средствами реализации и проецирующимися на правовую квалификацию.

РАЗДЕЛ 2

НАПРАВЛЕННОСТЬ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ: АСПЕКТ СУДЕБНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОГО ТЕКСТА

В разделе в аспекте законодательных актов об экстремизме рассматривается направленность коммуникативного воздействия текста, обозначенная номинациями «ненависть», «вражда», «рознь». Определяются различия между обозначенными психолого-коммуникативными эффектами и общее: формирование у реципиента агрессии. На примере конкретных текстов показано, какие условия способствуют реализации стратегии дискредитации в экстремистском тексте.

Вопросы о способах и средствах лингвистического описания текста, рассматриваемого на предмет выражения экстремистской идеологии, являются в современной лингвоэкспертологии предметом активного обсуждения [6; 12; 10; 19]. Обсуждаются семиотические признаки текста экстремистского характера [4; 18], обсуждаются границы профессиональной компетенции лингвиста [12; 10], предлагаются методики выявления коммуникативного намерения [48], устанавливается соотношение лингвистической и психологической экспертной ниши [12; 10]. Многие положения спорят друг с другом, что обусловлено стремлением найти объективные экспертные подходы к делам об экстремизме, соблюдая пределы предметной компетенции.

Предметом рассмотрения в настоящем разделе является один из аспектов судебного экспертного анализа текста на предмет соответствия антиэкстремистскому законодательству — направленность речевого воздействия как один из критериев стратегии дискредитации.

Стратегия дискредитации в данном случае не отождествляется с истинными мотивами и целями автора текста, обусловленными его идейными и нравственно-этическими установками, получающими в юриспруденции квалификацию «умысел». Под стратегией понимается логика построения текста, структура организации текстового материала, принципы отбора и сочетаемости языковых средств, анализ которых позволяет лингвистическими методами выявить содержание речевого произведения.

Анализ конфликтных текстов, рассматриваемых на предмет соответствия законодательству об экстремизме, лингвистических исследований этих текстов, в том числе содержащих различные интерпретации и выводы, а также участие в судебных разбирательствах по делам указанного типа привело к выделению ряда аспектов, концептуально значимых при выяснении вопроса о наличии / отсутствии в тексте стратегии дискредитации в аспекте юридизации. Один из этих аспектов — направленность речевого воздействия. В силу необходимости решения судебным исследованием конкретных вопросов, обусловленных диспозициями правовых норм и потребностью участников судебного процесса в разъяснении соотношения речевого содержания текста с содержанием понятий юридической квалификации, такой анализ не может быть свободен от ориентации на «болевы точки» законодательных определений.

Из законодательных определений экстремизма [37; 38; 47] следует, что стратегия дискредитации в аспекте закона об экстремизме предполагает определенную **направленность** речевого воздействия: возбуждение **ненависти, вражды** к человеку или группе лиц по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной **розни**. Коммуникативный эффект экстремистских текстов обозначен в законодательных актах номинациями **вражда, ненависть, рознь**. Для определения участниками судебного разбирательства соотношения прагматической направленности текста с запретительной нормой закона лингвисту адресуются вопро-

сы: к чему текст призывает, побуждает? что пропагандирует? на возбуждение каких чувств направлен?

При осуществлении анализа и характеристике отдельных языковых единиц и текстов в целом, с точки зрения оказания на читателя коммуникативного эффекта в аспекте законодательства об экстремизме, важно максимально точно определять сущность результатов этого воздействия и отграничивать от близких, смежных, но не тождественных понятий.

Анализ значений слова **рознь** по словарям показал отсутствие противоречий и трактовку его через понятие **вражда**:

РОЗНЬ 1. Вражда, распря. *Сословная рознь.* — *Хуже этого не может быть, как рознь и ссора в своей семье. Мамин-Сибиряк, Ночь. Алеша сказал о том, что злостные шептуны стараются посеять рознь между рабочими и крестьянами. Фадеев, Последний из Удэге.* 2. в знач. сказ., кому—чему. О различии, разнице между кем-, чем-л. [*Аммос Федорович:*] *Грешки грешкам рознь. Я говорю всем открыто, что беру взятки, но чем взятки? Борзыми щенками. Это совсем иное дело. Гоголь, Ревизор. [Ребята] уже знали, что глина глине рознь. Есть глины тощие, есть жирные. Гайдар, Дальние страны* [10].

Ненависть — чувство сильнейшей вражды, неприязни [9, с. 628]

Вражда — недоброжелательные, неприязненные, проникнутые ненавистью отношения и действия [9, с. 156].

В языковой системе слова *рознь*, *ненависть* и *вражда* являются синонимами. Как и любые другие синонимы, они имеют семантические различия.

Ненависть — чувство, то есть исключительно внутренняя эмоция.

Вражда — отношение, которое имеет внешние проявления.

Рознь — состояние, притом состояние не внутреннее, а внешнее, поскольку это наименование состояния, характеризующего взаимоотношения двух субъектов.

В законодательстве об экстремизме лексемы *ненависть* и *вражда* используются как синонимичные, а понятие *рознь* ис-

пользуется в других контекстах и, соответственно, лингвистическая квалификация «возбуждения розни» соотносится с иными правовыми квалификациями.

Для состояния «рознь» характерно наличие враждебного отношения с двух сторон, притом отношение это имеет внешние проявления, иначе оно не может быть охарактеризовано таким образом. Ненависть испытывает кто-либо по отношению к кому-либо, вражду выражает кто-либо по отношению к кому-либо, рознь проявляется между кем-то и кем-то.

Все три эффекта речевого воздействия: *ненависть*, *вражда*, *рознь* — при всех различиях объединены психологической и коммуникативной характеристикой **агрессия**. Возбуждение розни между группами лиц, ненависти или вражды по отношению к группе лиц предполагает речевое прагматическое воздействие, в результате которого реципиентам внушают мысль об их противопоставленности кому- или чему-либо, антагонистичности интересов, при этом используются стилистические средства воздействия на читателя, формирующие агрессию на эмоциональном уровне.

Анализ конфликтных текстов показал, что такой коммуникативный эффект речевого воздействия, как возбуждение агрессии к лицам или группам лиц по принципу социальной, расовой, национальной или религиозной принадлежности, предполагает комплекс текстовых признаков:

- во-первых, какое-либо обозначение этой группы в тексте (евреи, мусульмане, негры, православные, католики);
- во-вторых, соотнесение с этой группой негатива, притом негатива не частного (конкретная ситуация, случай), а обобщенного, предполагающего стойкую связь группы лиц с негативными действиями или признаками;
- в-третьих, выражение негатива не в рациональной форме, которая называется критикой (высказывания в прессе о стрельбе в Москве на чеченской свадьбе), а в немотивированно экспрессивной;

- в-четвертых, соотнесение негатива с обобщенным и целостным образом группы, а не с отдельными ее представителями.

Для возбуждения агрессии по отношению к группе людей, объединенных по национальному, социальному или религиозному признаку, очень важен признак обобщенности, притом в различных аспектах. Рассказ о совершении преступления представителем какой-либо национальности: *Таджик Алик Толбоев напал на девочку, изнасиловал и жестоко убил ее* (листовка, представленная на исследование) — может вызвать у конкретного читателя негативные чувства ко всем представителям нации, но это индивидуальное психическое проявление нельзя считать запрограммированным текстом. Хотя и относительно приведенного случая возникает вопрос: всегда ли сообщение о преступлении сопровождается называнием национальности преступника, и не отражает ли такое или иное представление информации отношение автора к представителям различных национальностей? И все же обобщение как реализация жесткой взаимосвязи *преступники — представители такой-то национальности* в приведенном примере отсутствует. Другое дело, если в структуре текста использованная модель *таджик — убийца* повторится неоднократно. В таком случае реализуется общеметодологический принцип перехода количества в качество.

Примером реализации *приема повторяющейся модели как средства типизации* стала листовка, содержащая констативные сообщения о преступлениях, совершенных таджиками в России. Назывались фамилии преступников, жертв, краткое описание места, времени, характера преступления. Страница негативной информации, ключевой семантической моделью которой являлась предикативная основа: слово *таджик* + наименование преступления, — неизбежно формировала оценочные установки реципиента.

Если группа лиц представлена как стойкое объединение, связанное общими константными признаками, и признаки эти

негативны, текст ориентирован на формирование активной ненависти ко всей группе и, как следствие, к каждому ее представителю. Такой прием можно назвать **проецирующим обобщением**: *Черные заполнили город, скоро тебе в нем не будет места. Антитеза черные — ты, демонстрация столкновения интересов и неразрешимости противоречий выводят негатив в сферу перверсии и реализации стратегии дискредитации.*

Частный случай при таком подходе возводится в ранг показательного и представляется как типовой (можно говорить о стилистическом приеме **синекдохи**): *Пока ты сидишь у телевизора, хачик насилует твою девушку* (листочка, представленная на исследование).

В данном примере плакат, размещенный на прохожей части, обращен к каждому, и поэтому *ты* читается как *вы все*, в равной мере, как и вся ситуация представлена в данном дискурсе как типовая. Соответственно, нравственные свойства одного *хачика* проецируются на всех его соплеменников и фиксируются как характерные, а поступок — как типичный для представителей названного национального объединения.

Обобщенность не только группы лиц по какому-либо признаку, но и выражаемого негатива также играет важную роль при определении направленности текста на коммуникативный эффект «агрессия». Активное неприятие целой группы людей может сформироваться только при условии приписывания им крайне отрицательных свойств и качеств, и регулярных вредоносных действий по отношению к другой (другим) группе лиц: *Черные занимают твое рабочее место, твой дом и двор, улицу, город, отнимают твою девушку* (листочка, представленная на исследование).

Напротив, конкретность негативной информации препятствует ее восприятию как типичной, следовательно, не способствует созданию обобщенного образа группы и обобщенного представления о тотальном негативе, связанном с этой группой у представителей иных сообществ. Сравните два текста:

А) *«Здравствуйте! В России ментов, современных военных награждают орденами и медалями за убийства, издевательства над своим народом... А у простых людей не осталось другого выхода, как обратиться за помощью к Дьяволу, потому что Бог защищает интересы поганых ментов, убийц, насильников. ЧИНГИЗ Город Челябинск, улица Лермонтова, д. 4, кв. 57, тел. (351) 779-49-59»* (листочка, представленная на исследование).

Б) *«Нам пишут на почту партии: “С весны идет бешеный набор в ФСБ. Медосмотр проходят в основном деревенские парни. В деревне нет работы”. В феврале 2010 года интернет “гудел”, обсуждая письмо Медведеву от московских ОМОНовцев. Они написали президенту, что в московский ОМОН набирают только иногородних, так как москвичи задают слишком много вопросов. Начальство сделало из их силового подразделения настоящую коммерческую структуру по зарабатыванию денег. Бойцы подразделения ОМОН заняты на охране коттеджей на Рублевке, офиса грузинского вора в законе на Арбате и т.д. Основной же задачей батальона остается разгон протестных акций»* (листочка, представленная на исследование).

Оба текста выражают негативное отношение к сотрудникам правоохранительной системы. Но в первом тексте (А) обвинения обобщены, а направление намерений конкретно: указанный адрес и телефон призваны объединить сообщников, которые принимают агрессивную направленность текста.

Во втором тексте (Б) сообщается о конкретной ситуации, конкретных действиях, но не предлагаются никакие конкретные действия. Оба текста рассматривались в суде на предмет возбуждения ненависти и вражды по отношению к социальной группе работников силовых структур. Как представляется, в первом реализуется стратегия дискредитации в аспекте законодательства об экстремизме, а во втором — нет. Первый текст содержит речевую агрессию, в отличие от второго, выражающего критическое отношение к объекту описания. Именно отсутствие обобщенного негативного образа группы

лиц и обобщенного связанного с этим образом негатива во втором тексте, в отличие от первого, препятствует реализации коммуникативного эффекта агрессии, воплощенного в «возбуждении ненависти и вражды, розни».

Таким образом, направленность коммуникативного воздействия в аспекте закона об экстремизме, обозначенная номинациями *ненависть, вражда, рознь*, определяется нацеленностью текста на формирование психологического и коммуникативного эффекта агрессии, для реализации которого, в свою очередь, необходим ряд условий, центральным из которых является обобщение как образа группы, так и связанного с ней негатива, воплощенное в приемах: повторение модели как средство типизации, проецирующее обобщение, синекдоха.

РАЗДЕЛ 3

ДИСКУРСИВНЫЕ ФАКТОРЫ ЭКСПЕРТНОГО АНАЛИЗА РЕЛИГИОЗНОГО ТЕКСТА

В разделе рассматриваются признаки религиозного дискурса, которые необходимо учитывать при экспертном анализе текста: признание своего бога и религии истинными, вытекающая из этого антитеза и наличие негативных оценок, апокалипсические и эсхатологические идеи, своя образная система.

В современной лингвоэкспертной практике актуализировались вопросы, связанные с исследованием религиозных текстов. Они становятся объектом изучения при выяснении наличия / отсутствия признаков экстремизма [6; 11; 22; 23; 25], оскорбления чувств верующих и даже угрозы [43]. В последние два десятилетия в рамках когнитивной и коммуникативной лингвистики появились работы, исследующие ранее игнорируемую филологией сферу — религиозный дискурс [7; 8; 50], но научные результаты в обозначенном направлении оказались методически не так просто применить в лингвистической экспертизе спорного текста, поскольку информация в описательной форме еще не дает в руки лингвоэкспертологии, по своей природе склоняющейся к классификациям и квалификациям, типологиям и противопоставлениям, прозрачного методического инструментария.

Теория лингвистической экспертизы также не обходит стороной проблемы анализа текстов религиозной тематики [6; 11; 24], однако обзор экспертной практики показывает неослабевающую конфликтность интерпретаций, доходящую до антитетичности и свидетельствующую о недостаточной методической оснащенности лингвоэкспертологии для решения обозначенных задач и о

потребности в дальнейшем диалоге, репликой в котором является и представленная статья.

Конфликт экспертных интерпретаций религиозного текста

Прежде всего, обозначим, как представляется, две основные причины конфликта интерпретаций религиозного текста.

1. Отчасти такой конфликт обусловлен постановкой перед экспертом вопросов, требующих не столько рассмотрения языковых фактов, сколько квалификации речевого деяния, которое «имеет оценочное, но не дескриптивное значение» [11, с. 8]. К числу таких вопросов относится, например, такой: «Оскорбляет ли содержание текста религиозные чувства православных верующих?»

2. Вторая же, не менее значимая причина расхождения в выводах по итогам рассмотрения текста религиозной тематики — различие в концепции экспертного подхода. Один взгляд — узко лингвистический, при котором лингвист видит свою компетенцию в определении **значения** слов и грамматических конструкций, на чем и базирует выводы. Другая позиция основана на представлении о служебном характере значений языковых единиц по отношению к выражаемым **смыслам**. Такой концептуальный взгляд предполагает включение в границы компетенции лингвиста-эксперта тех фоновых общекультурных знаний, которые позволят не только по словарям и справочникам определить значение слова или конструкции, но и увидеть отражение в исследуемом текстовом материале динамических языковых процессов и — что в аспекте рассматриваемой темы наиболее важно — наложить конкретный текст на дискурсивную практику, его породившую и в ее нише функционирующую, и воспринимаемую реципиентами.

Известная дихотомия **значение / смысл** преломляется в экспертной практике конфликтом узкого и широкого представления о границах компетенции лингвиста. Первое представляется формальным и не ведущим к раскрытию главного вопроса, ради

которого осуществляется лингвистическая экспертиза: какая информация (денотативная и коннотативная) сообщена текстом и какой коммуникативный эффект она произвела? По поводу эффекта (реального или потенциального), как правило, не задается прямой вопрос и не дается прямой ответ. Однако нельзя не признать, что искомые категории *превосходство*, *неполноценность*, *угроза* [42], *унижение*, *оскорбление* — сущности даже по своей внутренней природе дуальные, возникающие в результате воздействия субъекта А (автор) через текст на объект Б (реципиент) и обозначающие такое воздействие. Следовательно, и изучение наличия / отсутствия этих категорий и характера их проявления должно осуществляться с учетом этой дуальности. Как определить закономерный, кодируемый и декодируемый эффект такого дуального речевого воздействия, заложенный в тексте? Не претендуя на полноту ответа, допуская другие аспекты, назовем тот, который представляется главным в свете решения поставленной задачи: при помощи *анализа текста в дискурсе* — сложившейся в тематической нише системе когнитивных, стилистических, эмотивно-психологических моделей речетворчества и речевосприятия.

Дискурс в аспекте экспертного анализа

Многозначность понятия *дискурс* требует пояснить его понимание в контексте настоящего материала. Вслед за В.И. Карасиком понимаем под дискурсом «*стереотип порождения и восприятия речи в специфических повторяющихся обстоятельствах*» [26, с. 192]. В свете обсуждаемых вопросов важен такой признак дискурса, как двойственная природа: «*Дискурс имеет два плана — собственно лингвистический и лингвокогнитивный. Первый связан с языком, манифестирует себя в используемых языковых средствах и проявляется в совокупности порожденных текстов (дискурс как результат). Второму связан с языковым сознанием, обуславливает выбор языковых средств, влияет на порождение (и восприятие) текстов, проявляясь в контексте и пресуппозиции (дискурс как процесс)*» [29, с. 200—201].

В контексте судебного исследования текста важно также, что дискурс — это «коммуникативно-прагматическое событие социокультурного характера» [2, с. 104], «своеобразное семантическое единство языковой формы, знаний и коммуникативно-прагматической ситуации, это социальная деятельность людей, в которой ведущая роль принадлежит когнитивным пространствам общающихся» [2, с. 101—102]. Значимым в настоящем контексте оказывается акцент на социокультурном характере дискурса как экстралингвистическом факторе порождения речевого произведения, а также признание типизации форм организации и интерпретации текстов в рамках дискурса: «Дискурс — это общепринятый тип речевого поведения субъекта в какой-либо сфере человеческой деятельности, детерминированный социально-историческими условиями, а также утвердившимися стереотипами организации и интерпретации текстов как компонентов, составляющих и отображающих его (дискурса) специфику» [33, с. 58]. Необходимым признаком дискурса в избранном аспекте понятия является его отраженность в корпусе текстов, объединенных концептуальным и прагматилистическим своеобразием: дискурс как «семиотическое пространство, включающее вербальные и невербальные знаки, ориентированные на обслуживание данной коммуникативной сферы, а также тезаурус прецедентных высказываний и текстов» [49, с. 12—13].

Таким образом, при экспертном анализе текста вообще, религиозного текста в частности речь идет о **дискурсе** как совокупности социально и культурно обусловленных текстов, объединенных стереотипами порождения и восприятия, тематической, жанровой типологией, ментальными и стилистическими моделями — любыми внутренними типажам, группирующими корпус текстов и дифференцирующими его от других групп текстов. **Дискурсивный анализ** в аспекте экспертного анализа религиозного текста — рассмотрение спорного произведения речи на фоне дискурса, которому оно принадлежит, то есть с учетом той текстовой среды, которая определяет традицию выражения смыслов.

Специфика религиозного дискурса

Тексты политического, спортивного, рекламного и др. дискурсов обладают самостоятельным набором жанров, приемов воздействия, моделей коммуникации, эмотивных реакций, типовых образов. И все-таки по масштабу системности и концептуальности они не могут сравниться с дискурсом религиозным. Тексты религиозного содержания объединены не только формами и средствами выражения смыслов, но и самими смыслами. Они выражают определенную идеологию как комплекс мировоззренческой системы и житейской практики, охватывающий все стороны жизни человека и регламентирующий ее во всем: от картины мироздания и системы нравственных ценностей до ритуалов, обрядов, питания и внешнего облика.

Для религиозных текстов характерны свойственные именно этому дискурсу концептуальные, прагматические и стилистические признаки.

Концептуальные: выражение представления о Боге (богах) (какое бы название ему/им ни давали) как о единственной высшей силе, достойной поклонения; описание картины мироустройства, истории возникновения мироздания, Земли, человечества, социальных страт; представление о жизни после смерти, о бренности тела и вечности души (различающиеся формами реализации в религиях, но имеющие место как факт), демонстрация целостного мировоззрения, системы нравственных и бытовых правил жизни.

Прагматические: запретительные и разрешительные нормы в области мышления, эмоций, труда, поведения в социуме и семье; позиционирование идеологической системы своей религии как правильной; направленность на вовлечение новых адептов: побуждение присоединиться к проповедуемой идеологической системе, то есть религии.

Стилистические: антитезы (Бог — Дьявол, праведник — нечестивый, верующий — неверующий), отражающие следование или отказ от следования заповедям религии, своя метафорическая система (пастырь, агнец, спастись, погибнуть).

Перечисленные признаки с небольшими колебаниями объединяют тексты, созданные представителями разных религиозных конфессий. Реализация общих положений различается, хотя в ряде норм нравственного и социального характера совпадает, по-видимому, в силу этической оправданности и практической целесообразности. И все же каждая религия наполняет конкретикой универсальные параметры интерконфессиональной матрицы, представляя СВОЮ систему норм. И эта система воспринимается адептами как истинная и единственно достойная следования, что и отражается в создаваемых текстах.

Дискурсивные факторы в лингвистической экспертизе

Из многочисленных признаков религиозного дискурса выделим те пять, которые влияют на выводы лингвистической экспертизы в процессах по экстремизму, оскорблению чувств верующих, угрозе. Указывая дискурсивный фактор, опишем и его проекцию на экспертный результат.

Дискурсивный фактор № 1 — почитание своего бога как единственного истинного, чужих богов — ложными. Составной частью религиозного мировосприятия является поклонение высшей силе, которая воплощает создателя и судию, вершителя судеб, источник сведений о мире и житейских норм, и правил поведения. Эта высшая сила обобщенно называется Богом, но в каждой религии приобретает свое имя. Для религиозного дискурса характерно утверждение истинности именно своего Бога и ложность богов иных религий: *«Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа»* (Евангелие от Иоанна 17:3); *«Имя Господа прославляю; воздайте славу Богу нашему. Он твердыня; совершенны дела его, и все пути его праведны; Бог верен, и нет неправды в Нем; Он праведен и истинен»* (Второзаконие 32:3, 4); *«Богам чуждыми они раздражали Его и мерзостями разгневали Его: приносили жертвы бесам, а не Богу, богам, которых они не знали, новым, которые пришли*

от соседей и о которых не помышляли отцы ваши» (Второзаконие, 32:16, 17).

Рассмотрим фрагмент, вызвавший конфликт интерпретаций: *«А в одном только индуизме миллионы богов... есть буддисты, иудеи, даосисты, католики, конфуционисты, мусульмане, протестанты, синтаисты. Если говорить об Африке и Азии, то там, например, силам природы воздают почтение, животным, растениям, вот, каким-то предметам. Или, например, сотни миллионов людей поклоняются изображениям. Но возникает вопрос: есть ли живое существо или живой Бог, который достоин поклонения?»*. Вывод о выражении идеи превосходства группы лиц, поклоняющихся X над теми, кто ему не поклоняется, ведущий к признанию текста экстремистским, представляется неверным. Приоритет идей не тождествен приоритету людей. Учет рассматриваемого дискурсивного фактора № 1 позволил бы избежать сдвига смыслов с характеристики идей (Бог) на характеристику людей (группа лиц) и гиперболы (обозначение нравственного выбора — превосходство / неполноценность).

Дискурсивный фактор № 2 — антитеза: сравнение своей религии с другой (другими) и приоритет первой. Наличие любой глубокой убежденности в верности какой-либо идеи предполагает осмысление ее как лучшей, превосходящей другие, относящиеся к той же сфере. Любая идеология, особенно религиозная, позиционируется как правильная. Утверждение одних истин заведомо предполагает, что иной взгляд на те же проблемы правильным быть не может. Однако несовпадение в идеях не означают враждебности по отношению к людям, их выражающим. Выражение убежденности в верности религии не то же самое, что утверждение превосходства или неполноценности групп людей. Также мыслить иначе — не значит оскорбить чужие чувства. Теософские дискуссии могут быть корректными и некорректными. Лингвоэкспертному сообществу предстоит выработать способы дифференциации языковых и текстовых средств религиозной самоидентификации и агрессии.

Дискурсивный фактор № 3 — естественное следствие из факторов № 1 и № 2: *не только разрешительные, но и запрещающие нормы; не только поощрение, но и порицание, не только позитив, но и негатив*. Проявлением названного признака религиозного дискурса являются негативные оценки, которые в религиозных текстах характеризуют то, что не соответствует выражаемой идеологии, и всех тех, кто не следует установлениям религии. Вера — благо, безверие — грех, верующий спасется и попадет в рай, а неверующий погрязнет в грехах и окажется в аду, последователь данной религии будет услышан и поддержан Богом (Аллахом), а последователь другой религии или атеист останется один, и Бог его покарает. Как эксперт может учитывать данный дискурсивный фактор при анализе религиозного текста? Не отождествлять негатив и возбуждение ненависти и вражды, а также не клеймить естественное религиозное проявление ценностных установок как утверждение превосходства одних и неполноценности других.

Как бы ни стремилась теория лингвистической экспертизы обеспечить практику четким инструментом анализа для категоричного ответа на вопрос, в связи с рассматриваемым фактором мы должны вспомнить две вещи. Во-первых, лингвистика и филология — гуманитарные дисциплины, а раздел семантика — антипод точного знания. Во-вторых, в природе и культуре, описанных и точными, и неточными науками, не все явления действительности дуальны (день — ночь, мужчина — женщина, было — не было), преобладающая их часть градуальна (температура, влажность, проявления негатива и позитива).

Возможны возражения: и что с этой градуальностью делать при производстве экспертизы? В чем измерять? В «негативах»? Полный ответ на вопрос дать не представляется возможным, но руководство к экспертной практике видится таким: не дифференцировать, а описывать; оперировать не категориями наличие / отсутствие негативных оценок, а категориями «мера и степень» и «характер проявления». При таком подходе свойственное религиозному дискурсу название неверующих *нече-*

сивыми или грешниками характеризуется как выражение ценностных установок. Негативные коннотации присутствуют, но по своему характеру они отражают представления о правильном и неправильном, а по мере экспрессии не являются проявлением речевой агрессии.

Следующий фрагмент проповеди: *«Х (имя Бога) наделил свободой воли, и люди вправе сами выбирать: выбирать, оставаться им среди нечестивых или как-то... принять предложение от Х»*, — отнесен экспертом к «выражающим негативную оценку группы лиц на основании отношения к религии» [21, с. 35, 41]. Тема выбора между верой и безверием, праведностью и греховностью — одна из ключевых в религиозном дискурсе. Поскольку любая религия представляет свою систему жизненных ценностей, следование ей приветствуется, а нарушение ее постулатов порицается. Все, что согласуется с идеологией той или иной религии, называется следованием Богу, а отступление — уступкой Дьяволу: *«Нечестивые же, как умствовали, так и понесут наказание за то, что презрели праведного и отступили от Господа»* (Библия в синодальном переводе, Прем. 3, 10); *«В надмении своем нечестивый пренебрегает Господа: “не взыщет”; во всех помыслах его: “нет Бога!”»* (Библия в синодальном переводе, Пс. 9, 25). В рассматриваемом фрагменте выражается традиционная религиозная идея: каждый выбирает, присоединиться ему к Богу или не принять его истину. Библия неоднократно выражает идею о том, что выбор в пользу Бога — праведный, а отказ от предлагаемых им истин — греховный: *«Вот, я сегодня предложил тебе жизнь и добро, смерть и зло»* (Библия в синодальном переводе, Втор. 30, 15). Само понятие греховности, нечестивости связано в религиозном дискурсе с соблюдением / несоблюдением норм идеологии и практики данной религии. Но каких-либо негативных оценок людей по признаку отношения к религии представленный фрагмент не содержит, если, конечно, не считать грешников группой людей, негативная оценка которых может быть рассмотрена в рамках законодательства об экстремизме.

Неправомерно отождествлять частное суждение, содержащее негативные коннотации, с собственно выражением негатива, а уж тем более ненависти и вражды, по отношению к группе лиц, объединенной на основании какого-либо признака. Художественные, публицистические, бытовые тексты содержат немалое количество негативных отдельных высказываний в адрес учителей, врачей, депутатов, правительства, правоохранительных органов. Религиозные люди осуждают неверующих, атеисты — верующих. Существенным является не столько факт негатива, сколько качество этого негатива, его накал, социальная значимость, проекция на действительную сферу.

Приведем примеры высказываний, содержащих негативные коннотации. Высказывания великих людей об интеллигенции (группе лиц, объединенных по социальному статусу): *«Интеллигенция есть ругательное слово»* (Владимир Маяковский); *«Идейной формой русской интеллигенции является ее отщепенство, ее отчуждение от государства и враждебность ему»* (Петр Струве). Высказывания великих людей, негативно оценивающих религию, религиозное мировосприятие и верующих (группу лиц, объединенных на основании отношения к религии): *«Чем ограниченнее кругозор человека, тем меньше он знаком с историей, природой и философией, тем искреннее его привязанность к своей религии»* (Людвиг Фейербах); *«Философы говорят много дурного о духовных лицах, духовные лица говорят много дурного о философах; но философы никогда не убивали духовных лиц, а духовенство убило немало философов»* (Дени Дидро); *«Все без исключения религии проникнуты фанатизмом и удовлетворяют его потоками человеческой крови»* (Клод Гельвеций); *«Религии — все до одной — нелепы: их мораль рассчитана на детей, их обещания эгоистичны и чудовищно глупы»* (Мопассан). В то же время существует другая картина мира: видение веры как единственного способа духовного существования. В Библии как идеологическом документе христианства содержатся высказывания, выражающие неравенство верующих и неверующих, приоритет первых над вторыми, не-

полноценность тех, кто не придерживается декларируемых Библией ценностей: *«Если же и закрыто благовествование наше, то закрыто для погибающих, для неверующих, у которых бог века сего слепил умы, чтобы для них не воссиял свет благовествования о славе Христа, Который есть образ Бога»* (2Кор. 4:3, 4); *Благая весть отдает суду систему вещей сатаны. Поддерживающие ее погибнут, потому что они «не покоряются благовествованию Господа нашего Иисуса Христа»* (2Фес. 1:8). Человек, не верующий в Бога, называется безумцем, следовательно, к нему выражается отрицательное отношение: *«Сказал безумец в сердце своем: “нет Бога”»* (Пс. 13:1). Как видим, любая идеологическая позиция предполагает несогласие с другой идеологической платформой и так или иначе несет в себе негативную оценку чуждого ей мировоззрения.

Однако осуждение, инакомыслие как формы проявления негатива не обладают той экспрессией и социальной значимостью, которые формируют ненависть и вражду. В контексте вопроса о признании высказывания экстремистским определение негатива должно учитывать характер, меру степень, направленность [22] негатива.

Дискурсивный фактор № 4 — эсхатологические идеи и, как следствие, «угроза» грешникам. Религиозный дискурс ведущих мировых религий содержит апокалипсические идеи — представление о конце мира, о суде, через который пройдет душа каждого человека после физической смерти тела. Согласно различным верованиям, образ жизни человека, соблюдение им норм и правил соответствующей религиозной культуры определяют характер его жизни после смерти. Культовые тексты мировых религий содержат концепты «наказание», «расплата». Но речь идет не о наказании, которое планирует осуществить автор текста, а о наказании со стороны высших сил — Бога.

Рассмотрим спорный фрагмент: *«Неужели этот мир, эти нечестивые люди, они так и будут поступать все хуже и хуже, процветать, и никогда это не закончится? Ну конечно же, нет. Скоро Бог избавит свой народ от этого безбожно-*

го мира». Без учета специфики религиозного дискурса текст трактуется экспертом, на наш взгляд ошибочно, как угроза. Включение в дискурсивную традицию дает иной результат. Согласно установкам монотеистических религий, в частности христианства, рано или поздно грехи человечества приведут его к концу света — апокалипсису. В подозреваемом в экстремизме фрагменте выражаются неоригинальные идеи: о греховности людей; об усилении «нечестивости» (накоплении грехов) этим миром; о грядущем Апокалипсисе и Страшном Суде, в результате которого грешным будет уготована одна участь, а праведным — другая. Разделение людей на грешников и праведников характерно для религиозных текстов, при этом следует учитывать, что такое деление не является группированием людей по религиозному признаку, поскольку 1) в основе разделения лежит нравственно-этический критерий; 2) критерий не является конкретным и потому не сталкивает определенные группы людей различного вероисповедания; 3) деление на грешников и праведников лежит в основе религиозного мировосприятия и неотделимо от него: *«Проклятие Господне на доме нечестивого, а жилище благочестивых Он благословляет»* (Прит. 3, 33). Таким образом, в предложении отсутствует негативная оценка группы лиц по отношению к религии и тем более угроза [25] со стороны говорящего. Согласно постулатам христианства, неизбежен Апокалипсис и оценка Богом людей по их делам.

В следующем тексте *«Нечестивые будут уничтожены, и подтверждением тому служит двадцать третий стих: “Их злонамеренность он обратит на них, и повергнет их в безмолвие их же злодейством”»* предикат первого предложения не содержит призыв совершить насилие над нечестивыми. Речь идет о каре высших сил, а не о действиях людей.

В аспекте судебного лингвистического исследования дискурсивный фактор религиозного дискурса № 4 — эсхатологические, апокалипсические идеи — значим для дифференциации угроз, адресуемых одним лицом (лицами) другому (другим), и

выражения убежденности в каре, которая помимо воли людей обрушится на грешников, которые, стоит отметить, не образуют целостную группу людей, выделенную на основаниях, указанных в законодательстве.

Дискурсивный фактор № 5 — собственная образная система, игнорирование которой приводит как минимум к прямолинейным или гиперболизированным, а как максимум — к искаженным трактовкам смысла. Религиозный дискурс обладает собственной образной системой, понимание / непонимание которой определяет результат интерпретаций. Так, в религиозных текстах активно используются метафоры самантического поля «война»: *воевать, война, бороться, борьба, сражаться, сражение, победить, победа, битва*. Необходимо раскрыть метафорический образ и выяснить, идет ли в тексте речь о физической борьбе или же о духовной (*убить порок в себе, победить дьявола в душе*).

Зоометафоры именуют в религиозном дискурсе принадлежащих и не принадлежащих конфессии. Так, в Библии овцами называется праведная паства, а козлами грешники: *«Когда же придет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей, и соберутся пред Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов; и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов — по левую»* (Евангелие от Матфея 25:31—33). Слово *козел* не выражает в религиозном тексте бранных коннотаций оскорбительного характера, хотя негативную оценку, безусловно, несет.

Фрагмент *«Можно сказать, что сегодня почти каждый человек испытывает какой-либо страх. Люди хотят чувствовать защиту, хотят быть защищенными, но, увы, в этом мире человек не может дать защиту другому человеку»*, согласно выводам эксперта, содержит негативную оценку группы лиц на основании отношения к религии: *«...Объектом негативной оценки является группа лиц, объединенная по признаку отношения к религии, названная как “этот мир”,*

“этот безбожный мир”» [21, с. 35]. Тезис автора экспертизы о том, что *мир* — это обозначение лиц по религиозному признаку, не опирается на дискурсивную образную систему. В исследуемых экспертом текстах слово *мир* обозначает не группу лиц, «не исповедующих религию X», а совокупность факторов внешней жизни. В высказывании выражается философская мысль о психологическом состоянии отдельного человека в современном мире, о его незащитности перед жизнью во всех ее проявлениях. Идея незащищенности человека в мире людей без Бога — одна из основных в мировоззренческих концепциях различных религий. В настоящем фрагменте отсутствует дифференциация людей по какому-либо признаку, никакая группа никакой другой не противопоставлена, негативное отношение ни к отдельному человеку, ни к группе лиц не выражается. Констатируется факт незащитности человека перед силами, которые сильнее его.

Покажем на примере анализа семантики слова *погибнуть*, как различаются его значения в разных дискурсах. Примечательно, что грамматические формы далеко не индифферентны по отношению к дискурсивной практике. Например, в религиозном дискурсе форма прошедшего времени функционирует ограничено.

Романтический дискурс	Исторический, новостной дискурс	Религиозный дискурс
1	2	3
<i>Полюбить и мучиться, томиться</i>	<i>Умереть в результате трагедии</i>	<i>Потерять бессмертную душу</i>
Прош. вр., сочет. с мест. 1-го лица ед.ч.	Прош. вр., сочет. с сущ. в ед. или мн.ч. или колич.-именн. слс.	Будущее время во всех лицах, чаще в 3-м л.; инф., причастие

1	2	3
<p>Я погибла, — но что за нужда?.. Если б я могла быть уверена, что ты всегда меня будешь помнить, — не говорю уж любить, — нет, только помнить... (М.Ю. Лермонтов).</p> <p>Я погибла, лишь тебя увидев! (Н.Е. Бартенева).</p>	<p>Некоторые историки считают, что в боях под Сталинградом погибло не менее двух миллионов человек.</p> <p>Люди погибли в автокатастрофе.</p> <p>12-летний подросток из Екатеринбурга погиб после 12 часов непрерывной игры на компьютере.</p>	<p>Кто погибнет, а кто спасется на Страшном суде?</p> <p>Если же и закрыто благовествование наше, то закрыто для погибающих, для неверующих, у которых бог века сего ослепил умы... (2 Кор. 4:1—6).</p> <p>Мир вам, дорогие слушатели и читатели наших проповедей! Продолжаем рассмотрение темы «Спаستись или погибнуть».</p>

При общем значении слова *погибнуть* «подвергнуться уничтожению», отмеченного разными словарями, значение публицистического дискурса зафиксировано везде, значение дискурса, условно названного романтическим, не выделено как самостоятельное, значение религиозного отсутствует. Таким образом, очевидно, что без учета языка религиозных текстов интерпретации слов, выражений и целых фрагментов в них будут необъективными.

Выводы. Понимание значимости перечисленных особенностей религиозного дискурса и вытекающих из них особенностей экспертного анализа, включение исследуемых текстов в дискурсивный контекст позволит отличить выражение мировоззренче-

ских идей в дискурсивной традиции от социально-политических установок. Дискурсивная специфика религиозного текста должна учитываться при экспертном анализе. Дискурс есть код для кодирования и декодирования информации, а потому без него выявление смыслов о превосходстве / неполноценности, исключительности, угрозе, унижении и др. эмотивных и психологически мотивированных посылов не может быть осуществлено. Регулярные показатели религиозной коммуникации, являющиеся ее неотъемлемой частью, обусловленные самой природой религии, следует отличать от признаков конфликтных текстов, попадающих под правовые запреты. Включение исследуемого текста в дискурсивное окружение позволяет определить его место в корпусе по различным параметрам, «градус» и «угол» проявления тех факторов, наличие которых естественно, но проявление вариативно.

РАЗДЕЛ 4

СПЕЦИФИКА ЭКСПЕРТНОГО АНАЛИЗА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В АСПЕКТЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ЭКСТРЕМИЗМЕ

Раздел посвящен вопросам лингвистической экспертизы текста, рассматриваемого на предмет выявления признаков экстремизма. Описывается специфика исследования текста, построенного по художественной модели изображения действительности. Выделяются значимые для экспертной практики категории текста с художественной системной организацией: художественное обобщение, фикциональность, концептуальность. В практическом аспекте в экспертном анализе становится значимым различие в характере реализации концептуальности текстов, смоделированных по публицистической и художественной модели.

В публицистической модели концепция текста открыто выражена в позиции автора, который в то же время является повествователем. В тексте же, построенном по художественной модели, концепция выражается всей его сложной системной организацией. Более того, высказывания, содержащиеся в таком тексте, могут быть диаметрально противоположны выражаемой автором позиции и, соответственно, информации, получаемой реципиентом. Фикциональность текста, построенного по художественной модели, не позволяет отождествлять позицию авторов и повествователей и приводит к трансформации на концептуальном уровне направленности текстовых коннотаций. Художественная обобщенность образов, в отличие от публицистической, препятствует осуществлению конкретизации отдельных аспектов смысла и референции их с законодательными текстами, содержащими конкретные признаки запретительных

норм. Решение в ходе целевого судебного анализа дискуссионного вопроса об эстетической значимости текста представляется непродуктивным. Экспертно значимым становится рассмотрение реализации декодируемых признаков сценария системно смоделированного художественного пространства, которое не может быть механически соотнесено с плоскостью реальной действительности. В материале доказываемая значимость для экспертного подхода к тексту его дискурсивной специфики, определяющей аспекты интерпретации.

Концепция и методика лингвистического исследования текста в процессах по обвинению в экстремизме — одна из болевых точек современной лингвоэкспертологии [3; 6; 12; 10; 17; 19; 40; 41]. Первые относительно целостные методики экспертного исследования текста на предмет определения его экстремистской направленности уже предложены российскому научному сообществу [15; 30]. Однако говорить о завершении этого процесса преждевременно. Многие аспекты лингвистического анализа, определенные целями судопроизводства, пока не рассмотрены. Как показывает собранный материал, важную роль в ходе исследования текста играет определение его стилистической (дискурсивной) природы, неизбежно проецирующееся на рассмотрение отдельных аспектов текста и, как следствие, на экспертные выводы.

Особое место в корпусе текстов, анализируемых на предмет соответствия антиэкстремистскому законодательству, занимают тексты художественные, специфике рассмотрения которых в экспертной практике на предмет выявления признаков экстремизма и посвящен настоящий раздел. В современной лингвоэкспертологии была высказана мысль о неправомерности обвинений в экстремизме по отношению к художественным текстам [39]. Косвенно аналогичный вывод можно сделать из статьи Н.Д. Голева [17], в которой подвергаются анализу текст Шекспира в контексте агитационного материала. Данный тезис еще не приобрел статус концептуального экспертного постулата, однако имеющийся материал уже свидетельствует о необхо-

димости в ходе экспертного исследования учитывать **признаки** художественного текста, влияющие на декодирование смысла произведения в аспекте его квалификации относительно соблюдения антиэкстремистского законодательства.

Обсуждение критериев художественности вне экспертной практики не ведет к решению поставленной в настоящем материале задачи, поэтому перечислим инвариантные в современной филологии сущностные **признаки художественной коммуникации**: 1) отсутствие непосредственной связи между коммуникацией и жизнедеятельностью человека; 2) наличие эстетической функции; 3) имплицитность содержания (наличие подтекста); 4) установка на неоднозначность восприятия; 5) установка на отражение нереальной действительности (художественные тексты представляют не модель действительности, а сознательно конструируемые возможные модели действительности) [16, с. 114].

Очевидно, что в ходе имеющего практическую направленность судебного анализа экстремистского / неэкстремистского текста приведенные критерии неизбежно должны быть подвергнуты целевой корректировке, что обусловлено характером реализуемой задачи. Перед экспертом не стоит вопрос, возможно ли охарактеризовать произведение как художественное. Задача лингвиста — выявить конкретные признаки экстремистского текста согласно представленным в законе семантическим моделям или признать отсутствие таковых. Однако стилистическая и дискурсивная природа текста существенно влияют на его декодирование, поэтому важно выяснить, какие именно признаки стиля и каким образом должны быть учтены в экспертном анализе. Изучение поставленной проблемы позволило выявить следующую специфику анализа художественного текста на предмет соответствия антиэкстремистскому законодательству.

Положение первое. Считаем, что в рассматриваемом аспекте один из основных признаков художественного стиля — эстетическая функция — должен остаться за пределами экспертного

анализа. Специфика экспертных выводов требует конкретных доказательств реализации той или иной категории. Обсуждение же вопроса о художественности как мере эстетической значимости при рассмотрении текста в экспертной практике не представляется возможным, поскольку сами критерии этой оценки не только дискуссионны, но и в значительной мере субъективны. Вспомним по этому поводу размышления Ю.М. Лотмана о динамике и вариативности восприятия эстетического представителями различных художественных течений, в которых практически значимым в аспекте рассматриваемого вопроса является выражение филологического опыта в простейшей, но в то же время и точнейшей форме: «Понятие “плохой” и “хорошей” поэзии принадлежит к наиболее личным, субъективным и, следовательно, вызывающим наибольшие споры категориям... Случай, когда поэзия, с одной точки зрения, представляется “хорошей”, а с другой — “плохой”, настолько многочисленны, что их следует считать не исключением, а правилом» [32].

В свете высказанного положения возникает закономерный вопрос: возможна ли квалификация текста как художественного вне эстетической функции? Сомнение закономерное, однако устранимое.

Во-первых, в рамках концепций, связывающих эстетическое, прежде всего, не с прекрасным, а с социально-исторически значимым, эстетика произведения есть его концептуальная система: «Эстетическое есть выражение той или иной предметности, данной как самодовлеющая созерцательная ценность и обработанной как сгусток общественно-исторических отношений» [31].

Во-вторых, в качестве квалификационных для экспертной практики далее будут выделены другие признаки стиля, которые имеют более реалистичную природу и могут быть подвергнуты верификации в ходе анализа.

В-третьих, для экспертной практики несущественна собственно квалификация произведения как художественного. Допустимо считать его условно художественным, претендующим

на художественность, построенным по моделям художественного произведения.

Таким образом, в силу вероятности конфликта интерпретаций при рассмотрении такого критерия, как «эстетическая значимость», в рамках исследуемой темы считаем рациональным опираться на объективные и декодируемые признаки художественных текстов.

Положение второе. Значимыми для экспертной практики при декодировке смысла текста предлагаем считать следующие категории художественности как свойства произведения особой системной организации: **художественная концептуальность, фикциональность** — моделирование художественной системы произведения, **обобщение** как средство типизации.

Художественная концептуальность предполагает организацию всех аспектов текста: жанра, сюжета, композиции, системы образов, хронотопа, стилистических средств — авторской интенцией на формирование определенной картины мира и прагматической направленностью на реципиента. Именно концептуальность как системность, спроецированная не только на речепорождение, но и на интерпретацию, стоит в центре определения Л.Г. Бабенко: «Художественный текст — это словесное художественное произведение, представляющее реализацию концепции автора, созданную его творческим воображением индивидуальную картину мира, воплощенную в ткани художественного текста при помощи целенаправленно отобранных в соответствии с замыслом языковых средств (в свою очередь, также интерпретирующих действительность), и адресованное читателю, который интерпретирует его в соответствии с собственной социально-культурной компетенцией» [5, с. 64].

В практическом аспекте в экспертном анализе становится значимым различие в характере реализации концептуальности текстов, смоделированных по публицистической и художественной модели.

Как уже отмечалось выше, в публицистической модели концепция текста совпадает с позицией автора, который в то же время является повествователем. Практически любое утверждение, представленное в таком тексте, если оно не включено в один из известных и с очевидностью выявляемых приемов (вопросно-ответная форма, ход от противного, ирония), отражает позицию автора и является той информацией, которая и передается реципиенту.

В тексте же, построенном по художественной модели, концепция не выражается, как правило, конкретным предложением. Более того, все высказывания, содержащиеся в таком тексте, могут быть диаметрально противоположны выражаемой автором позиции и, соответственно, информации, получаемой реципиентом, способным к адекватной декодировке. Так, например, происходит, если повествование ведется от лица отрицательного персонажа, неприятие которого автором отражено рядом подтекстовых средств. Из общеизвестных произведений такую модель реализует «История села Горюхина» А.С. Пушкина, текст, всей своей художественной структурой — композицией, образом автора-повествователя, репрезентируемым через речь, стилистикой повествования с многочисленными средствами создания комического эффекта — выражающий насмешку над типажом примитивного сочинителя, мнящего себя «любителем русской словесности».

Таким образом, художественная концептуальность отличается от публицистической более сложной структурой, наличием непрямых взаимосвязей между компонентами текстовой структуры, несовпадением внешнего и сущностного (декларируемого и утверждаемого). Ориентация эксперта при декодировании текста на модель художественной концептуальности в тех случаях, где она действительно реализуется, позволит избежать принципиально неверных выводов, обусловленных абстрагированием от стилистической специфики произведения.

Обобщение как средство типизации реализуется в таких признаках, как: отражение в текстовых образах образов реаль-

ных, их типологичность и спроецированность на неопределенный круг явлений. Неопределенность в данном случае понимается как открытый список: в художественном произведении образ, списанный с прототипа, соотносится не только с ним, как в других стилях, а со всеми типологически однородными. В то же время образ не является публицистическим описанием прототипа, реалистичным, фактуально адекватным. Так, Наполеон Л.Н. Толстого — это не реальный Наполеон Бонапарт, а образ тщеславного правителя, больше заботящегося о внешнем минутном эффекте, чем о перспективных государственных интересах. Этот образ гораздо более значим как обобщенный типаж экзальтированного честолюбца любой эпохи, чем историческое свидетельство о конкретном императоре Наполеоне Бонапарте, который, судя по другим источникам, был гораздо более сложной личностью.

В экспертной практике, при анализе современных текстов, необходимо учитывать нетождественность реального объекта и созданного на его основе художественного образа — обобщения. Признаками художественного обобщения на уровне персоналии в тексте могут быть следующие приемы: переход имени собственного в нарицательное, сопровождающийся сменой прописной буквы на строчную в имени и/или появление способности к изменению его формы числа; функционирование имени собственного как производящего слова для образования новых слов, имеющих обобщенно-типологическое значение. Обобщение имеет место и в обратной ситуации: персонаж именуется не по имени, а по должности, званию, статусу. Усиливает эффект типологизации в таком случае написание нарицательного существительного как собственного: Директор, Депутат, Начальник. Даже если есть основания найти прототип образа, соотносить их однозначно уже нельзя. Мету и степень обобщения и идентификации выявит детальный анализ контекста.

Обобщение художественное отличается от **обобщения публицистического**.

В первом случае явление предстает как типическое, но не соотносимое со всеми конкретными объектами, класс которых в реальной действительности представляет изображенный в художественной модели типологизированный образ. Так, в ставшем предметом правового разбирательства романе адвоката П. Астахова «Рейдеры» образы коррумпированных сотрудников правоохранительных органов отражают негативное явление общества, но не проецируются однозначно на всех конкретных сотрудников системы. Именно выяснение природы художественного обобщения, не позволяющего вывести из текста романа смысл о нравственной несостоятельности всего сообщества сотрудников правоохранительных органов позволило снять с автора обвинения. Дискурсивная природа художественной литературы в самой своей модели предполагает априори принимаемую реципиентом «театральную условность» произведения.

Сатирические произведения М.Е. Салтыкова-Щедрина и Н.В. Гоголя не давали позитивных образцов человеческого и гражданского поведения. Их персонажи либо грубо властны, эгоистичны и тщеславны, либо жалко ничтожны. Это не означает выражения мысли о всеобщем убожестве рода человеческого. В произведениях других жанров эти же авторы предлагают читателю и сложные, многогранные характеры, и даже героические. Каждое художественное произведение — это взгляд на жизнь с определенного ракурса конкретного автора в определенный момент времени. Понимание этой условности снимает в адрес художественного произведения обвинения относительно его объективности (в рамках экспертной практики — соответствия действительности). Отдельно взятое произведение, построенное по модели художественного изображения действительности, отражает фрагмент реальности, априори всеми элементами системы сигнализируя о двух, казалось бы, противоречащих друг другу, но в то же время в этом парадоксе органично сосуществующих свойствах обобщения: типологичности и несоотносимости с конкретными явлениями действительности.

Обобщение же публицистическое, напротив, претендует на утверждение истины вне субъективной модели: «я — здесь — сегодня». Как пресуппозиция выступает и для автора, и для реципиента дифференциация: в художественном произведении — вымысел, сказка — ложь, да в ней намек; в публицистическом — отражение конкретных событий, фактов реальности. Поэтому восприятие публицистического текста отличается поиском точного и однозначного соотнесения персонажа текста с личностью в реальной действительности. Обобщение же выражается в проецировании отдельных поступков конкретных лиц на поведение всей группы.

Так, в признанной экстремистской листовке группа лиц, выделенная на основании принадлежности к национальности, представлена как источник зла для представителей другой нации: *«Всегда евреи поступали так: где появлялись евреи, они уничтожали лучшую часть населения, им неудобную. В России так и произошло. Уничтожили ту часть россиян, которые выступали за сохранение России и российского народа»* [35]. Обобщения такого типа предстают как сообщения о фактах действительности. Однако стоит только смоделировать ситуацию, в которой приведенное высказывание становится средством речевой автохарактеристики персонажа произведения, сконструированного по художественной модели, и однозначность публицистической интерпретации снимается. В таком случае для осуществления выводов о прагматической направленности суждения необходимо будет проанализировать композицию, систему образов и коннотаций произведения с целью выявления концепции.

Фикциональность. Смоделированность художественной системы произведения — признак его художественной организации, предполагающий вымышленность, опосредованность внутреннего мира текста, его условность, креативность. Точным для обозначения описываемого признака представляется термин «фикциональность» — «указание на онтологический статус изображаемого в тексте мира, который, в свою очередь,

представляет собой фикцию, или выдумку, сконструированную автором и не содержащую намерение обмануть читателя» [51, с. 19]. Художественная система организации текста представляет собой «способ отражения действительности, ориентированный на создание отличной от прообраза ментальной модели на основе переформирования компонентов реальности или создания новых ее компонентов. Вымысел как одно из средств познания окружающего мира представляет собой устойчивую форму репрезентации информации, выбор которой детерминирован коммуникативными интенциями автора» [27, с. 95].

Фикциональность проявляется в текстах в различных мере и качестве. Очевидна вымышленность сюжета фантастического романа о будущем и относительна достоверность — о далеком прошлом. Свидетельством вымысла являются волшебные, ирреальные, с точки зрения житейского опыта, ситуации, противоречия установленным законам природы, например, перемещения на машине времени. Признаком фикциональности становится перенесение действия в неизвестную страну с не существующими на настоящий момент нигде государственными установлениями (утопии и антиутопии). Даже отсутствие в реальности героев с именами персонажей (или очевидное несовпадение идентифицирующих их параметров) указывают на вымысел. Есть тексты, в которых элемент вымысла несущественен, однако его выявление все-таки значимо. Так, например, все аспекты текста вполне позволяют соотнести образ повествователя с образом автора в лирической миниатюре И.А. Бунина «Именины», отражающей воспоминания зрелого человека о детстве, соединяющей два временных плана: прошлое и настоящее, содержащей и общечеловеческую печаль о невозвратимости прошлого, и философское противопоставление «я — другие», и социальную оценку происходящих на тот момент в России событий как трагедии. Но в конце текста стоит подпись: «Глубокая зимняя ночь, Париж». А ниже: «9 мая 1924 г.». Очевидно, что в Париже

9 мая уже далеко не зима, и характеристика «зимняя ночь» — не формально-фактическая констатация времени написания рассказа, а эмоционально-образная характеристика душевного состояния лирического героя. Выявление подобных признаков фикциональности необходимо как база для дальнейшей интерпретации произведения как художественного.

Положение третье. Экспертные выводы должны учитывать контекст и ситуативный контекст функционирования художественного текста. В современной ситуации вопрос о наличии признаков экстремизма нередко относится к речевым произведениям, в которых используются материалы известных художественных текстов для реализации какой-либо прагматической цели. В аспекте возникшего по поводу таких речевых произведений вопроса о наличии признаков экстремизма такой целью, как правило, бывает формирование у реципиента агрессивного отношения к группе лиц, выделяемой на каком-либо основании, посредством реализации стратегии дискредитации. Интертекстуальность помогает включить в систему воздействующих средств прецедентные тексты, узнаваемость и авторитет автора которых работают на усиление аргументации и воздействующего эффекта материала.

Следует осознавать, что сам факт привлечения в содержательную структуру текста цитат, реминисценций и аллюзий не приводит к какому-либо определенному выводу относительно наличия признаков экстремизма. Классический, а, следовательно, неприкосновенный в аспекте обвинений в экстремизме текст-донор не спасает текст-реципиент от возможных обвинений.

Художественная условность, введенная в контекст публицистической реальности, приобретает самые разнообразные коннотации. Так, например, еврейская тема в повести «Тарас Бульба» Н.В. Гоголя органично вплетается в контекст художественного описания конкретной эпохи, конкретного со-

циума, обладающего специфическими идеологическими и нравственно-этическими установками. Именно его жестокость и «дикость», сконцентрированность на национальной и социальной самоидентификации отталкивают Андрия — чуждого по своей внутренней природе этой среде. Низкая сторона проявления маскулинности описываемого сообщества противопоставлена высокой, которая по ходу произведения раскрывается все более и более и увлекает цивилизованного читателя XIX века романтикой презрения к смерти, приоритетом товарищества, верности слову и братству. В таком контексте сцены гонения евреев — не призыв к подражанию, а отражение духа описываемых исторических реалий. Автор отнюдь не восторгается этими сценами, а включает их в повествование как часть реализации сложной системы контрастного многогранного описания явлений, событий, персонажей. Вырывание описанных фрагментов из оригинального текста, придание им в контексте организующе-программирующего смысла, — вот как Гоголь относился к евреям — является искажением концепции первичного текста.

Таким образом, в рассматриваемом типе ситуаций вопрос относительно выражения экстремистской идеологии должен относиться не к собственно художественному тексту, а к материалу, использовавшему его.

Положение четвертое. Не отрицая возможности выражения каким-либо произведением идей асоциальной направленности, считаем важным при экспертном анализе конфликтных текстов не отталкиваться от тезиса о факте наличия / отсутствия искомых признаков экстремизма, что превратит исследование в иллюстративную подборку, а поэтапно решить перечисленные ниже экспертные задачи.

Этап 1. Выявляются приведенные признаки художественного текста: концептуальность, наличие типологических обобщений и смоделированный внутритекстовый мир. В случае признания их реализации выясняется характер соотношения ре-

ального и вымышленного миров, для чего осуществляется общий анализ текста с выявлением основных текстообразующих приемов.

Этап 2. Выявленные компоненты концептуального мира текста следует соотнести с содержанием запретительных норм антиэкстремистского законодательства.

Поскольку разработка обозначенной проблемы нацелена на решение конкретных задач, продемонстрируем работу приведенных принципов на показательном материале, позволяющем увидеть на практике работу заявленных положений.

Цитируемое далее стихотворение стало предметом рассмотрения по делу о распространении экстремистских материалов, но после выяснения всех обстоятельств, в первую очередь филологического характера, обвинения были признаны необоснованными. Приведенный анализ покажет практическую реализацию обозначенных подходов.

«С праздником 1-е мая!

А сейчас я хочу прочитать вам стихотворение, автор которого неизвестен...

*Мы славно гуляли в республике вашей,
Мы доллары черпали полную чашей.
Пока вы тут пили, мы вас разорили,
Заводы продали, богатыми стали.*

*И вам всем “здоровья”, “живите богато”,
А мы отправляем ресурсы на запад.
И чтобы ни крошки у вас не осталось,
И чтобы здоровых детей не рождалось.*

*За ваши ресурсы дадим мы вам шприцев,
И спирта цистерны, до смерти упиться.
Наркотики в вены вливайте “богато”,
Валяйтесь, как свиньи, вблизи вашей хаты.*

*Для нас вы все быдло: дерьмо, папуасы,
Зачем папуасам земные запасы?
Вы слышите, свиньи, мы стали богаты,
Мы скоро отнимем у вас ваши хаты.*

*Дадим казино, сигареты, секс-фильмы.
Курите и пейте, рожайте дебильных.
Больные, уроды для нас не опасны —
Мы их уничтожим поддельным лекарством.*

*Вы все постепенно умрете бомжами,
И долю такую вы выбрали сами.
И ваша земля нам нужна без народа.
Мы вас похороним в любую погоду.*

*Так будьте “здоровы”, “живите богато”,
Насколько позволит вам ваша зарплата.
А если зарплата вам жить не позволит —
Так вешайся, быдло — никто не неволит.*

*Я хочу просто заявить: “Мы не быдло, мы — народ! И я
хочу просто сказать...”» [43].*

Прежде всего необходимо выявить смысл цитируемого стихотворения в общем контексте выступления. Представленное на анализ стихотворение по жанру является политической сатирой. В стихотворении отражены основные проблемы современного российского общества. Названы две причины обозначенных проблем:

- 1) корысть и жестокость сильных мира сего (*И ваша земля нам нужна без народа, Мы вас похороним в любую погоду*);
- 2) безвольная покорность народа (*И долю такую вы выбрали сами*).

Соглашаясь с мыслью «сколько ни изучай компоненты художественного произведения, — невозможно понять их смысл, всех в совокупности и каждого порознь, если не поймешь общего, единого и все в произведении пронизывающего идейного устремления и художественного принципа, являющегося основой эстетического бытия произведения» [20, с. 109], считаем базой последующего анализа выявление основных текстообразующих приемов.

В рассматриваемом случае таких приемов два. По форме стихотворение представляет собой **обращение** одной группы лиц к другой, что на лексическом уровне выражено оппозицией местоимений *мы* — *вы*. Система образов текста и связанных с ними коннотаций обусловлена основным композиционно-стилистическим приемом стихотворения — **антитезой**. Антитечными являются образы адресантов и адресатов речи, реализующие такой признак художественной модели представления действительности, как **обобщенность**.

«Мы», от чьего лица ведется повествование, — некая группа лиц, целенаправленно идущих к своей цели — обогащению — путем обмана народа и использования природных ресурсов (*мы отправляем ресурсы на запад*) и бывшей государственной собственности (*заводы продали*). Отношение адресантов к адресатам может быть выражено двумя характеристиками: пренебрежение и демонстрация собственного превосходства — два закономерных коррелятивных проявления поведенческой модели психологического доминирования, реализующихся в стратегии дискредитации. Любая речевая стратегия реализуется в тактике, состоящей из конкретных шагов — компонентов речевого воздействия, которые могут быть обозначены уже имеющимися в языке лексемами со значением конкретного типа психоэмоционального состояния / отношения, приобретающими статус стратегем.

Средством выражения речевой стратегемы «пренебрежение» является стилистически сниженная лексика с негативной коннотацией (*Для нас вы все быдло; вы слышите, свиньи...*).

Реализация речевой стратегемы «превосходство» осуществляется в рассматриваемом тексте следующими средствами:

- 1) синтаксическими: двучастными конструкциями, противопоставленными по признаку характеристики антитетичных групп (адресанты / адресаты): *«Пока вы тут **пили**, мы вас **разорили**»*;
- 2) лексическими: использованием по отношению к адресатам лексики с ядерной семой уничтожения: *смерть, умереть, похоронить, уничтожить, вешаться*;
- 3) грамматическими: глаголами с ядерной семой «насилие» в форме 1 лица, формирующими представление о способности, возможности и намерении доминировать: *«Мы скоро **отнимем** у вас ваши хаты», «Мы вас **похороним** в любую погоду»*; императивными конструкциями, выражающими категорическое программирование отрицательных жизненных факторов: *«И **чтобы** ни крошки у вас **не** **осталось**, И **чтобы** здоровых детей **не** **рождалось**»*.

Агрессивное доминирование повествователей-адресантов приобретает в тексте гиперболизированно циничный характер. Средствами абсолютизации демонстрируемого зла становятся следующие средства:

- 1) генитивная конструкция как средство обозначения крайних форм проявления описываемого явления: *ни крошки*;
- 2) ирония со стороны авторов-повествователей (*«Так будьте здоровы, живите богато»*), в контексте приобретающая стилистический статус издевательства, жестокой насмешки;
- 3) все средства экспрессивного синтаксиса, в комплексе создающие общеметодологический эффект перехода количества в качество: анафора, синтаксический параллелизм, полисиндетон, ряды однородных членов, риторические вопросы и восклицания.

Всеми перечисленными языковыми средствами, выступающими в стилистической функции, создается образ жестоких,

бессердечных дельцов, наживающихся на обмане простых людей и безразличных к их бедам. Отношение автора выражается превышением в речи повествователей меры демонстрируемого зла, доведением их идеи доминирования до абсурда, до крайней точки, позволяющей увидеть несовпадение отношения, формально выражаемого персонажами и выраженного автором. В этом несовпадении отражается художественный характер концептуальности.

Адресаты — те, кто в тексте обозначен местоимением «вы», — это, безусловно, народ, который представлен недифференцированной массой, покорно подчиняющейся обстоятельствам. Стратегия формирования отношения к этим персонажам реализуется следующими средствами:

- 1) для их характеристики адресанты-повествователи используют лексику со значением физической и умственной неполноценности: *дебильные, больные, уроды*, а также лексику со значением асоциального поведения: *пить, упиться, валяться, бомжи*.
- 2) нулевая саморепрезентация в тексте.

Два стилистических пласта языковых средств (текстовый фактор) в сочетании с отсутствием представленной в тексте реакции на стратегию доминирования адресантов (отсутствие как знак — затекстовый фактор) формируют запрограммированный автором эффект речевого воздействия: сочетание стратегем «жалость» и «презрение», находящихся в плоскости позитив—негатив в отношениях оппозиции, а в плоскости причинно-следственных отношений — в инклюзии.

Отношение автора к описываемой ситуации не высказывается прямо, что закономерно при избранной формальной структуре текста — обращении. Коннотации формируются другими средствами, оказывающими влияние на читателя через отражательную призму речевой автохарактеристики персонажа. Поскольку весь текст по формальной структуре является моноло-

гом адресантов («мы»), то стилистические характеристики их речи и ложатся в основу формируемых коннотаций. Однако в соответствии с таким признаком художественного текста, как смоделированность, эта проекция не линейная, а отражательная. Иначе говоря, речевая стратегия автора и его персонажей — повествователей не совпадает. Говорящие выражают в своем монологе такой цинизм, бессердечие и алчность, что само содержание их речи, организуемое стратегемами «пренебрежение» и «превосходство», является средством их отрицательной автохарактеристики и позволяет автору реализовать свою стратегию их дискредитации. Адресаты же, напротив, уже в силу своей бессловесности (нуля самопредставленности) в тексте вызывают жалость и сочувствие — эффект реакции на стратегию доминирования повествователей. Конфликт демонстрируемых и порожденных текстовыми оппозициями стратегий формирует основные коннотации текста:

1) оценочный компонент

- а) отношения к адресату речи — программируемые автором в читателе стратегемы «презрение» как результата осознания стратегии доминирования адресантов и стратегемы «жалость» как отторжения агрессии;
- б) отношения к адресанту речи — неприятие их жестокости и цинизма через абсолютизацию выражаемого ими зла;

2) эмотивный компонент — выражение негативных эмоций: горечи, возмущения, боли.

Комплекс сюжетных, образных и стилистических средств формирует основную идею текста: наше общество больно многими социальными болезнями, ведущими нацию к гибели.

Основная прагматическая цель текста — заставить задуматься слушателя над проблемами общества и ощутить свою сопричастность происходящему.

Художественная модель отображения действительности, независимо от эстетического критерия, проявляется в художественном характере концептуальности, обобщения и фикцио-

нальности. На практически-экспертном уровне это означает, что позиция «мы» не тождественна позиции автора, из чего исходило обвинение, «мы» и «вы» — типологически очерченные, но не конкретные группы лиц.

После осуществленного общего анализа текста соотнесем выделенные аспекты смысла с запретительными нормами антиэкстремистского законодательства [47; 38; 37].

Вопрос первый: имеются ли в вышеуказанном фрагменте речи (выступления) слова, выражения или высказывания, содержащие негативные оценки в адрес какой-либо одной национальной, конфессиональной или социальной группы по сравнению с другими национальностями, конфессиями или социальными группами? Обвинение исходило из положения, что такие оценки есть: *быдло, дерьмо, свиньи, папуасы*.

Мы же ответим на этот вопрос отрицательно, опираясь на точку зрения Л.С. Выготского: «...В художественном произведении всегда заложено некоторое противоречие, некоторое внутреннее несоответствие между материалом и формой...» [14, с. 208]. В анализируемом тексте есть бранные слова, но они высказаны не автором в чей-либо адрес, а персонажами — авторами речи, от которых автор явно дистанцируется и которых явно не приемлет. В данном случае реализуется признак художественного текста — наличие внутренней формы: способность одного содержания служить формой выражения другого содержания, согласно концепции Г.О. Винокура [13].

Вопрос второй: возбуждается ли текстом ненависть и вражда по отношению к какой-либо группе лиц, объединенной по признаку расы, национальности, социальной, конфессиональной принадлежности? Возбуждается ли рознь между различными группами, выделенными по указанным основаниям? Обвинение опиралось на положительный ответ.

В контексте антиэкстремистского законодательства принципиально важным является вопрос о характере объединения большой группы людей. Закон называет такие параметры, которые достаточно четко позволяют дифференцировать группу и ее

представителей. Признаки, не позволяющие осуществить такой дифференциации (например, порядочные / непорядочные люди), основанием для объединения лиц не считается.

В рассматриваемом тексте отсутствуют какие-либо указания на конкретные национальные, конфессиональные или социальные группы.

Подведение национальной основы под выраженную стихотворением антитезу является безосновательным. Гораздо более убедительным представляется другое объяснение того факта, что «мы», от лица которых ведется повествование, не считают себя частью республики, за счет которой обогащаются. Автор приемом отстранения «мы» от народа добивается определенного смыслового эффекта: эти люди лишены патриотизма, у них нет родины, они не считают себя частью своего народа и смотрят на него отстраненно как на материал для использования: *«Мы доллары черпали полною чашей»*. Существенно в рассматриваемом аспекте, что это нравственно-этическое, а не национальное, конфессиональное или расовое противостояние.

Вопрос третий: содержатся ли в тексте призывы к нарушению закона, чьих-либо гражданских прав, к смене политического строя или правительства насильственным путем?

Ответ очевиден: такие призывы в тексте отсутствуют. Сама избранная формальная структура текста препятствует этому. Возможные варианты реакции читателя на текст имеют индивидуальную природу. Критическое же осмысление действительности не запрещено законом и является естественным правом человека в демократическом государстве.

Таким образом, соотнесение содержания текста с запретительными нормами антиэкстремистского законодательства показало несовпадение в принципиально значимых аспектах.

Итак, заявленная в названии главы специфика экспертного анализа художественного текста в аспекте законодательства об экстремизме проявляется в следующем. Фикциональность текста, построенного по художественной модели, не позволяет отождествлять позицию авторов и повествователей и приводит

к трансформации на концептуальном уровне направленности текстовых коннотаций. Художественная обобщенность образов, в отличие от публицистической, препятствует осуществлению конкретизации отдельных аспектов смысла и референции их с законодательными текстами, содержащими конкретные признаки запретительных норм. Дискуссия об эстетической значимости в свете целевого судебного анализа неактуальна. Экспертно значимым становится рассмотрение реализации концептуальности, фикциональности и обобщения как признаков сценария системно смоделированного художественного пространства, которое не может быть механически соотнесено с плоскостью реальной действительности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сделаем общие выводы из частных аспектов анализа текстов различных типов, рассматриваемых на предмет реализации признаков экстремизма.

Во-первых, нельзя вырывать текст из контекста жизненных реалий. Ведь именно в таком ключе его воспринимают читатели. И если, например, для всех религиозных текстов характерно противопоставление верующих и неверующих и прогнозирование ада в том или ином виде тем, кто не следует установлениям конкретной религии, то необъективно в текстах одних конфессий это противопоставление не замечать, а другим инкриминировать в качестве экстремистского.

Во-вторых, в ходе экспертного анализа текста, рассматриваемого на предмет наличия признаков экстремизма, лингвист не должен забывать о филологических категориях аллегории и метафоры, нетождественности образа автора и образа персонажа. Пренебрежение методами и приемами анализа текста приводит к необъективным выводам. Вот почему экспертизу текста на предмет выявления смыслов и содержания образов должен осуществлять профессиональный филолог с соответствующим базовым образованием, а не психолог, политолог или военный.

В-третьих, нужно бережнее обращаться со словами, ведущими к правовой квалификации речевого деяния. Не любой негатив вызывает ненависть и вражду. Порочна логика: негативная информация о представителе власти привела к формированию его отрицательного образа, что повлияло на восприятие власти обществом вообще, а как следствие — вызвало ненависть и вражду к социальной группе «власть». Любая критика представителя властных структур при таком подходе будет квалифицирована как экстремизм. К сожалению, основания для беспокойства по поводу тиражирования обозначенной тенденции имеются.

И, наконец: не любых идеологических результатов можно добиться репрессивными методами. Сравним общество с под-

ростком. Порекомендует ли психолог изолировать молодого человека от всей информации, с которой не согласны родители и учителя? Во-первых, это невозможно, во-вторых, неэффективно. Запретный плод сладок. Результативнее не запрещать, а формировать иммунитет к глупости, жестокости и болтологии. Иммунитет этот формируется знанием истории, литературы, культуры, философии. Человек наполненный стремится к созиданию, а не к разрушению. Поэтому педагоги утверждают: лучше не запрещать, а воспитывать. Так и с обществом. Совсем без запретов, конечно, не обойтись. Но в сфере идеологической и методы противостояния должны быть идеологическими. Они не только гуманнее — они надежнее.

По названным причинам призываем не только сообщество лингвистов-экспертов, но и других заинтересованных читателей к дискуссии на различных площадках: на конференциях, в статьях, в частности в специализированном журнале «Юрислингвистика», в работах признанного и читаемого издательства «ФЛИНТА» — везде, где есть воздух для научного дыхания.

Литература

1. Аблин М.В. Косвенные призывы в современных идеолого-религиозных текстах разных жанров // Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юридиколингвистическая герменевтика: вторая интернет-конференция. URL: http://konference.siberiaexpert.com/publ/konferencija_2012/doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/kosvennye_prizvy_v_sovremennykh_ideologo_religioznykh_tekstakh_raznykh_zhanrov/5-1-0-131
2. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания, культуры. М.: Academia, 2002.
3. Араева Л.А., Осадчий М.А. Судебно-лингвистическая экспертиза по криминальным проявлениям экстремизма // Уголовный процесс. 2006. № 04. URL: http://www.ugpr.ru/arhiv/16_apr_2006/topic163_sudebno45_lingvisticheskaya_ekspertiza_po_kriminalnym_proyavleniyam_ekstremizma_.html
4. Ахунзянова Ф.Т. Экспертиза конфликтного исламского текста // Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юридиколингвистическая герменевтика: вторая интернет-конференция. URL: http://konference.siberia-expert.com/publ/konferencija_2012/doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/ehksper-tiza_konfliktnogo_islamskogo_teksta/5-1-0-113
5. Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: учебник для вузов. М.; Екатеринбург, 2004.
6. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2007. 592 с.
7. Бобырева Е.В. Место религиозного дискурса в типологии дискурсов // Единицы языка и их функционирование. Саратов: Научная книга, 2003. С. 218—223.
8. Бобырева Е.В. Жизнь и смерть в единой ценностной картине религиозного дискурса // Художественный текст: Слово. Концепт. Смысл. Томск, 2006. С. 178—181.

9. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2003. 1536 с.
10. Бринев К.И. Судебная лингвистическая экспертиза по делам о религиозном экстремизме // Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юриколингвистическая герменевтика: вторая интернет-конференция. URL: http://konference.siberia-expert.com/publ/konferencija_2012/doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/brinev_k_i_sudebnaja_lingvisticheskaja_ekspertiza_po_delam_o_religioznom_ekstremizme/5-1-0-139
11. Бринев К.И. Судебная лингвистическая экспертиза по делам о религиозном экстремизме // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376. С. 7—13.
12. Бринев К.И. Судебная лингвистическая экспертиза спорных речевых произведений, содержащих признаки экстремизма // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер. Филологические науки. 2009. № 7 (41). С. 35—39.
13. Винокур Г.О. Об изучении языка литературных произведений // Филологические исследования. М., 1990.
14. Выготский Л.С. Психология искусства. М., 1968. С. 208.
15. Галяшина Е.И. Лингвистика против экстремизма. М., 2006.
16. Гвенцадзе М.А. Коммуникативная лингвистика и типология текста. Тбилиси, 1986. С. 91 (цит. по: Валгина Н.С. Теория текста: учеб. пособие. М.: Логос, 2004. 280 с.).
17. Голев Н.Д. «Восстать, вооружиться, победить»: Шекспир и экстремизм // Юрислингвистика 8: русский язык и современное российское право: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 412—416.
18. Голиков Л.М. Семиотика экстремистского текста // Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юриколингвистическая герменевтика: вторая интернет-конференция. URL: http://konference.siberia-expert.com/publ/konferencija_2012/doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/golikov_l_m_semiotika_ekstremistskogo_teksta/5-1-0-137

19. Губаева Т.В. Судебная экспертиза по делам об экстремизме // Вестник Института экономики, управления и права. Сер. 2. Право. Казань, 2006. Вып. 7. С. 303—315.
20. Гуковский Г.А. Изучение лит. произведения в школе. М.; Л., 1966.
21. Заключение эксперта Рыжиковой С.С. ЭКЦ УМВД России по Орловской обл. № 2210 от 17 октября 2017 г.
22. Иваненко Г.С. Направленность речевого воздействия: аспект судебного исследования экстремистского текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (22): в 2 ч. Ч. 1. С. 65—68.
23. Иваненко Г.С. Анализ формы речевого воздействия на адресата как аспект судебного исследования экстремистского текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (22): в 2 ч. Ч. 2. С. 82—87.
24. Иваненко Г.С. Дискурсивные факторы анализа религиозного текста // Современная теоретическая лингвистика и проблемы судебной экспертизы: сб. науч. работ по итогам междунар. науч. конф. 2019. С. 450—460.
25. Иваненко Г.С. Судебная лингвистическая экспертиза: специфика анализа художественного текста в аспекте законодательства об экстремизме // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2014. Т. 20. № 6. С. 200—203.
26. Карасик В.И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: сб. тр. Волгоград: Издательство ВГПУ Перемена, 1998. С. 185—197.
27. Клейменова В.Ю. Фикциональность и вымысел в тексте // Известия российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2011. № 143. С. 94—102.
28. Кожина М.Н., Баженова Е.А. Художественный стиль речи, или художественно-изобразительный, художественно-беллетристический // Стилистический энциклопедический словарь русского языка

- ка / под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. URL: <http://enc-dic.com/stylistic/Hudozhestvenn-stil-rechi-ili-hudozhestvenno-izobraziteln-hudozhestvenno-belletristicheski-143/>
29. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375с.
  30. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Теоретические и методологические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы по делам, связанным с противодействием экстремизму. М.: РФЦСЭ, 2011. 326 с.
  31. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития, 1979. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/los8/14.php
  32. Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. СПб., 1996. URL: <http://www.gramma.ru/BIB/?id=4.43>
  33. Манаенко Г.Н. Дискурс в его отношении к речи, тексту и языку // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2008. С. 48—61.
  34. Материалы уголовного дела № 490673, СУ СК при прокуратуре Челябинской области Челябинск, 2006.
  35. Материалы уголовного дела № 491161, СУ СК при прокуратуре Челябинской области. Челябинск, 2009.
  36. Медведева Д.С. Классификация призывов экстремистской направленности: коммуникативный // Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юриколингвистическая герменевтика: вторая интернет-конференция. URL: http://konference.siberia-expert.com/publ/konferencija_2012/doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/klassifikacija_prizyvov_ehkstremistskoj_napravlenosti_kommunikativnyj_aspekt/5-1-0-125
  37. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ. URL: <http://www.rg.ru/2002/07/30/extremizm-dok.html>
  38. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного

Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11. URL: <http://www.rg.ru/2011/07/04/vs-dok.html>

39. Орлова О.В. Религиозный текст и экстремизм — две вещи несовместные? // Вторая интернет-конференция «Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юридико-лингвистическая герменевтика» (декабрь 2012). URL: <http://konference.siberia-expert.com>
40. Осадчий М.А. Использование лингвистических познаний в расследовании преступлений, предусмотренных ст. 282 УК РФ// Юридический консультант. М.: Юрмин, 2006.
41. Осадчий М.А. Социальный экстремизм как предмет судебно-лингвистической экспертизы // Уголовный процесс. М.: Арбитражная практика, 2008. № 2. С. 55—56.
42. Осадчий М.А. Судебно-лингвистическая параметризация вербальной угрозы // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. С. 498.
43. Приложение к запросу Игнатъевой Н.А. на проведение лингвистического исследования по материалам уголовного дела, возбужденного СУ СКП Хабаровска по ст. 282 УК РФ «Экстремизм».
44. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999. URL: <http://mas-dict.narod.ru/mix/about.htm>
45. Стернин И.А. Выявление признаков возбуждения расовой и национальной вражды в лингвистической экспертизе текста: метод. пособие. Воронеж: Гарант, 2010. 20 с.
46. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. URL: <http://ushdict.narod.ru/>
47. Уголовный кодекс РФ. URL: <http://www.ukru.ru/code/10/282/>
48. Хазимуллина Е.Е. Лингвистическая экспертиза текстов с имплицитным содержанием. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskaya-eksperitiza-tekstov-s-implitsitnym-soderzhaniem/viewer>

49. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 326 с.
50. Шмелев А.Д. Языковые особенности различных видов религиозного дискурса // Язык в движении: к 70-летию Л.П. Крысина. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 614.
51. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

Учебное издание

Иваненко Галина Сергеевна

**ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ТЕКСТА
В ПРОЦЕССАХ ОБ ЭКСТРЕМИЗМЕ**

Учебное пособие

Подписано к выпуску 29.07.2020. Формат 60×88/16.

Уч.-изд. л. 3,17.

Электронное издание для распространения через Интернет.

ООО «ФЛИНТА», 117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б, комн. 324.

Тел./факс: (495)334-82-65; тел. (495)336-03-11.

E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФЛИНТА»

существует на книжном рынке с 1996 г. Во «ФЛИНТЕ» ежегодно выходит более 300 книг. Издательство специализируется на выпуске литературы для вузов в основном гуманитарного профиля: учебники, учебные и методические пособия, хрестоматии, современные словари и справочники. Вся учебная литература подготовлена в соответствии с государственными образовательными стандартами. Среди авторов – ведущие ученые и преподаватели из Москвы, других городов России и зарубежья. Большинство учебников и учебных пособий грифованы.

ВЕДУЩИЕ ТЕМАТИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ:

- РЕЧЬ, ЯЗЫК, ОБЩЕНИЕ
- РИТОРИКА
- РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
- ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА
- РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ
- ЖУРНАЛИСТИКА
- ЛАТИНСКИЙ И ДРУГИЕ ДРЕВНИЕ ЯЗЫКИ
- ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК
- ПСИХОЛОГИЯ, ПЕДАГОГИКА
- ВАЛЕОЛОГИЯ, МЕДИЦИНА
- ПОЛИТОЛОГИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ
- ЭКОНОМИКА, БИЗНЕС
- ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
- МАТЕМАТИКА, ФИЗИКА, ИНФОРМАТИКА, ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ
- ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА
- НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Предлагаем вузам и библиотекам

электронные версии книг для использования в собственных ЭБС

Приглашаем к сотрудничеству

библиотеки, книготорговые организации, авторов учебной литературы

Выполняем заказы

по изданию монографий, научных трудов и других печатных работ на договорных началах

НАШИ КООРДИНАТЫ:

Тел./факс: (495) 334-82-65, тел.: (495) 336-03-11

E-mail: flinta@mail.ru, WebSite: www.flinta.ru